
Терри Блу
Замуж
за
герцога
18+

Терри Блу

Замуж за герцога

«Автор»
2026

Терри Блу

Замуж за герцога / Терри Блу — «Автор», 2026

Эта история не о любви с первого взгляда. И не о внезапно вспыхнувшей страсти двух одиноких сердец. В этом мире правят политические интриги, холодный расчет и выгодные связи.Она — младшая дочь небогатого Дома Риндаль, никогда не мечтавшая о почетных титулах, бальных залах и несметном богатстве. Но однажды именно ей приходится представить свой Дом на брачном рынке.Он — герцог. Недоступный, непобедимый воин и человек, принимающий решения без оглядки на чужие чувства и желания. Его боятся и уважают даже в Императорском дворце. А еще ему необходимо жениться, чтобы укрепить свое положение.Их союз начинается с формальности и холодного расчета. Но чем больше времени они проводят вместе, тем сложнее притворяться, что этот брак ничего не значит...

© Терри Блу, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 24
Глава 8 28
Глава 9 32
Глава 10 36
Глава 11 40
Глава 12 43
Глава 13 48
Глава 14 52
Глава 15 56
Глава 16 60
Глава 17 64
Глава 18 70
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Терри Блу
Замуж за герцога

Глава 1

Теплый солнечный свет мягко лился сквозь высокие арочные окна, наполняя комнату ровным золотистым сиянием. За стеклом возвышались купающиеся в утреннем свете зеленые холмы Хольмгарда.

Ярнара Риндаль, самая младшая дочь тихого и скромного Дома Риндаль, постепенно приходила в себя ото сна. Она моргнула от тепла, коснувшегося щек — ее разбудил влажный нос и маленькие настойчивые лапки раньше заглянувшего в комнату солнца. Этот способ пробуждения оказался куда эффективнее любого колокольного звона.

Искрец, ее крошечная собачка, с энтузиазмом вылизывал щеки и подбородок.

— Доброе утро, Искрец! — рассмеялась Ярнара и отбросила прядь волос с лица.

Песик радостно подпрыгивал по постели и вилял хвостом так бурно, будто в его мире не существовало ничего важнее момента, когда хозяйка наконец открыла глаза.

Ярнара потянулась, тонкая ткань ее хлопковой ночной сорочки тихо зашуршала при ленивых движениях. Мир за окнами жил своей неторопливой жизнью: где-то в саду перекликались птицы, а вдалеке глухо урчали двигатели поместья, просыпавшиеся вместе с остальным хозяйством. Никаких тревог, никаких вызовов, никакой спешки.

Жизнь на Хольмгарде почти никогда не знавала суеты.

Их дом, верный вассал правящего планетой Дома Йосом, обладал лишь призрачным, почти символическим оттенком власти. Он был старым, малым и скромным: местное баронство управляло землей и урожаем, а не судьбами звездных систем. Их долг был прост — хранить порядок и не заглядываться на чужие престолы.

Отец, барон Бьярндун Риндаль, повторял это почти ежедневно. Он ценил тишину отдаленной планеты куда больше, чем пороховую пыль галактической политики. Мать, баронесса Сигрид Риндаль, была его идеальным отражением — спокойная, мудрая, нашедшая счастье в жизни, где не нужно сражаться за каждую ступеньку вверх.

Ярнара, младшая из троих детей, выросла в атмосфере мягкости и умиротворения.

Старший брат, Грэхам, большую часть времени проводил вдали — на торговых постах и портах внешних провинций. Сестра, Мойрана, уже начинала входить в свет и появляться на балах и приемах при дворе Йосомов.

А жизнь Ярнары оставалась такой же безмятежной, какой была всегда — размеренной, наполненной тихими утрами, чтением книг в саду, неспешными чаепитиями с матерью и долгими прогулками с Искрецом.

И большего ей не требовалось.

День продолжился в своем обычном неторопливом ритме.

На столе уже был накрыт завтрак: теплый хлеб, яйца и бекон, садовые фрукты, мед, черный чай в изящных фарфоровых чашках. Ярнара, еще сонная, наблюдала за семейной идиллией, пока Искрец сладко сопел у ее ног. Отец, восседающий во главе стола, просматривал утренние сводки новостей на полупрозрачном даталисте, изредка что-то комментируя. Мать молча разливала чай.

Ярнара слушала вполуха. Куда важнее ей было незаметно просунуть под стол кусочек бекона. Искрец блаженно жмурился и отстукивал благодарность хвостом по полированному полу.

— Официально, — произнес отец, опуская лист. — Герцог Рэйгон Хеллвейн объявил о намерении жениться.

Чайник с кипятком в руках матери на мгновение замер. Она обменялась с мужем быстрым и выразительным взглядом.

— Значит, слухи подтвердились, — тихо сказала Сигрид, ставя чайник на поднос. — Скоро начнется выбор невесты.

Мойрана, до этого безмятежно ковырявшаяся ложкой в фруктовом салате, резко подняла голову. Глаза ее вспыхнули живым огоньком.

— О, я слышала об этом при дворе Йосомов! — заговорила она с едва сдерживаемым восторгом. — Говорят, леди Луиза Йосом обязательно будет предложена. Она в последние месяцы появляется на каждом приеме! Даже на бал у Дома Веларин ее приглашали, представляете? Две недели пути туда, ведь у Йосомов нет варп-кораблей! Веларины бы смеялись, если бы она опоздала.

Ярнара слушала с тихим изумлением, будто речь шла о чьей-то далекой судьбе, никак не связанной с ее миром. Варп-корабли, пролетающие за дни то, на что обычным флотам требовались недели, принадлежали Императору, Великим Домам и немногим обособленным богачам. Их семья могла только мечтать о подобной роскоши.

Мать тихо усмехнулась:

— Это не важно. Все знают, чем это закончится.

— Закончится… Чем? — робко спросила Ярнара.

Мойрана вспыхнула еще ярче:

— Принцессой Миэлин Ратрак, конечно! Об этом твердят годами. Единственная дочь Императора, самая прекрасная женщина в Галактике. И он… — она театрально приподняла брови. — Рэйгон Хеллвейн — глава Дома Хеллвейнов. Его серебряный ястреб видели на сотне полевых битв!

Сестра понизила голос так, будто рассказывала страшную сказку:

— Говорят, его флот способен бросить вызов самой Императорской Гвардии. А его солдаты не знают, что такое отступление. И что он пьет кровь животных, чтобы сохранять силу.

Ярнара непроизвольно ахнула, представив эту мрачную картину:

— Кровь?.. Пьет?!

— Люди любят приукрашивать, — весело отмахнулась Мойрана.

— Я бы остерегался повторять подобную чепуху на людях, — сказал отец сухо.

— Я лишь пересказываю то, что слышу на приемах, — невинно пожала плечами Мойрана. — Но все уверены: он и Миэлин Ратрак давно почти обручены. Она бывает на его личных турнирах, обедает с его родней. Дома Хеллвейн и Императорский связаны крепче змеиных узлов.

Мать задумчиво сложила руки на столе, ее взгляд стал глубже и внимательнее:

— Политическим союзам неведомы чувства. Если брак до сих пор не заключен, значит, что-то еще обсуждают. Или кто-то… Сопротивляется.

Бьярндун аккуратно сложил даталист и отодвинул его в сторону.

— Но все это не наше дело, — сказал он с той твердостью, что не оставляла места для возражений. — Мы маленькое баронство и держимся подальше от их игр. Дом Йосом, возможно, и отправит свою кандидатуру, но мы, как всегда, останемся лишь простыми наблюдателями.

Ярнара опустила взгляд на тарелку, когда в животе что-то нервно дрогнуло. Она и сама не понимала, почему. Может, потому, что разговор касался больших и серьезных миров, о которых она знала лишь по обрывкам чужих разговоров? Или оттого, что в голосах родителей пробивалась тревога, которую тщательно скрывали за ровными интонациями?

В ногах Искрец тыкался холодным носом в кожу, полностью довольный житейской простотой происходящего. Его тихая и привычная безмятежность возвращала Ярнаре чувство спокойствия.

— А я все равно мечтала бы оказаться там, — выдохнула Мойрана почти неслышно.

Ее взгляд стал далеким и мечтательным, а ложечка в чашке медленно описывала круги, словно размешивала не чай, а будущие грезы.

— В Императорском дворце… — продолжила она почти шепотом. — Говорят, залы Ноктиона сияют как звездное небо. Что стены там словно из кристаллизованного света, а в садах цветут растения со всей Галактики. Представляете? Хоть раз пройти по тем коридорам… Постоять на балконе, где Императрица Мирабель принимала корону. Даже не как невеста, просто как гостья…

Мойрана улыбнулась хрупкой и мечтательной улыбкой. В груди у нее жила еще одна маленькая личная надежда, которой она явно не собиралась делиться с окружающими.

Сестра всегда менялась, стоило заговорить о дворцах, балах и придворных интригах. В ней пробуждалась тяга к высоте, к золоту и блеску — ко всему тому, что Ярнара могла вообразить себе лишь смутно, как далекую и чуждую сказку.

Мать обратилась к замечтавшейся Мойране:

— Мечтам всегда есть место. Жизнь там не такая легкая, как тебе кажется. С высоты открывается красивый вид, но и падать оттуда куда больнее.

— Возможно, — согласилась Мойрана. — Но, может быть, вид того стоит?

Отец слегка откашлялся, расправляя салфетку — жест, которым он всегда завершал темы, которые считал неуместными для дальнейших обсуждений.

Разговор стих.

Ярнара взглянула на сестру — та делала вид, что спокойна, хотя глаза все еще искрились мечтами, которые невозможно было спрятать. Ярнара задумалась: каково это — постоянно двигаться вперед, стремиться в самый эпицентр великих событий?

Она не знала. Да и, если честно, не особо хотела знать.

Мысли о том, чтобы покинуть Хольмгард, казались ей столь же абсурдными и далекими, как полет к императорским звездам и планетам. Ярнара никогда об этом не грезила, не строила планов о других мирах. Ее будущее виделось простым и ясным: стать надежной правой рукой отца, заботиться о земле и людях, которые на ней живут.

Здесь, среди тихих холмов, где небо всегда слегка затянуто утренней дымкой, где сад пахнет растениями и свежестью, а жизнь идет ровно и неторопливо, она была в безопасности.

Что бы ни происходило там, в холодных золотых залах Императора или под серебряным взглядом ястреба Хеллвейнов, все это оставалось за гранью ее мира. Это не имело к ней никакого отношения.

Глава 2

В саду тонко пахло поздними розами. Ярнара сидела под деревом с аккуратно устроенной на коленях книгой. Искрец лежал рядом и мирно посапывал после их активных игр. Сложно было сосредоточиться на чтении, потому что после завтрака голова пухла от болтовни сестры.

Каждое утро за столом превращалось в сцену для Мойраны, которая с восторгом пересказывала сплетни со двора Йосомов. Она приносила все новые вести о брачном отборе и рассказывала о кандидатках, их красоте, происхождении, о роскошных приготовлениях по всей Системе.

А вчера Мойрана буквально светилась, когда объявляла, что леди Луиза Йосом, дочь правителя Хольмгарда, официально внесена в список претенденток. Сестра в который раз с энтузиазмом щебетала о невероятно долгих путешествиях без варп-кораблей. Для Ярнары и сама мысль о таком пути казалась почти невозможной. До Ноктиона, императорского мира, куда должен был прибыть весь брачный рынок из-за участия принцессы Миэлин Ратрак, дорога заняла бы почти месяц…

Ярнара проводила пальцем по строкам и мысленно уносилась все дальше от Великих Домов и их пафосных проблем Здесь, под ивой, ее мир был маленьким и тихим: знакомые каменные стены, покатые холмы, дни, которые текли в ритме времен года, а не в такт политическим интригам. Она была на середине абзаца, когда на страницу легла большая темная тень, не похожая на ту, что отбрасывала на землю листва.

Ярнара подняла голову в ожидании увидеть грозовое облако и замерла. К поместью опускался небольшой отполированный корабль, его корпус мерцал под солнцем, украшенный знаком бурого медведя на зеленом фоне.

Дом Йосом.

— Как странно… — прошептала Ярнара и захлопнула книгу.

Искрец лениво зевнул, совершенно не разделяя хозяйской тревоги.

Стряхнув траву с подола, Ярнара направилась к парадной площадке. К тому времени корабль уже мягко опустился на платформу, а его мощные двигатели постепенно стихали.

Из шлюза вышли трое, в их движениях и взглядах читалось — это что-то срочное и важное. Барон Бьярндун Риндаль ждал их у края площадки, такой же смущенный и удивленный, как наблюдающая со стороны Ярнара. После короткого обмена приветствиями он провел гостей в дом.

Ярнара вернулась в сад, чтобы продолжить чтение книги, но уже через полчаса туда вбежала запыхавшаяся служанка. Она громко окликнула ее:

— Леди Ярнара! Баронесса просит вас немедленно подойти. Это очень важно!

— Что случилось?.

— Я не знаю, миледи, — вымолвила раскрасневшаяся от бега служанка. — Но баронесса… Очень взволнована.

Искрец коротко тявкнул, уловив перемену в настроении хозяйки. Ярнара поспешила в дом, где ее прямо в дверях встретила Баронесса Сигрид. Глаза матери необычайно сияли, лицо порозовело от странной смеси потрясения и восторга.

— Ярнара, — шепотом сказала она и взяла дочь за руки. — Слушай меня внимательно, девочка.

У Ярнары похолодели пальцы — вряд ли Йосомы лично заявились сюда, чтобы принести какую-нибудь хорошую для их дома весть.

— Мама… Что произошло?

— Ты поедешь представлять Дом Йосом на брачном рынке для Его Светлости герцога Рэйгона Хеллвейна!

Ярнара на мгновение даже забыла, как дышать. Она — и на брачный рынок?! Да это же безумие!

— Как это… Что вы… А леди Луиза?

— Леди Луиза тяжело заболела, — тихо и торопливо ответила мать, словно их могли подслушивать в собственном доме. — Врачи подтвердили сильную лихорадку. Не смертельно, но она не успеет восстановиться к отбытию.

— Но ведь у Йосомов есть другие дочери… Кузины… Кто-то еще? — Ярнара пыталась вспомнить имена и титулы, куда более подходящие на роль кандидатки от дома Йосом. Но мысли хаотично путались и обрывались, так и не успевая сформироваться до конца.

Сигрид мягко сжала ее похолодевшие руки, будто старалась передать дочери каплю своей уверенности и смелости:

— Увы, нет, — тяжко вздохнула мать. — Все варианты рассмотрены. Их союзники уже обещали своих дочерей другим семьям. Или они неподходящего возраста. Йосомы хотят быть представлены хотя бы формально.

Мать улыбнулась успокаивающе, как умела только она, и сердце в груди у Ярнары забилось еще быстрее от осознания неизбежности происходящего.

— Не бойся, Ярнара. Все знают, что герцог Рэйгон женится на принцессе Миэлин Ратрак. Им просто нужна благородная, воспитанная, достойная… И, откровенно говоря, безопасная кандидатка. Выбор пал на тебя, дорогая.

— Мойрана… Почему не Мойрана? Она мечтает об этом! Это все для нее!

Сигрид с сожалением опустила взгляд на их сплетенные руки.

— Мойране двадцать шесть. А герцог объявил, что рассматривает кандидаток только до двадцати пяти.

— Но ему же… Сорок! — глаза Ярнары расширились.

— Да, — кивнула мать и ласково провела ладонью по ее волосам, как успокаивала в детстве. — Но ему нужна молодая жена, чтобы много лет рожать наследников. Это не романтика, Ярнара, а политика.

Ярнара никогда не видела себя при дворе, не стремилась к замужеству и придворным играм. А теперь — без подготовки и желания — ее бросали прямо в эпицентр имперской политики, как тряпичную куклу без собственного мнения.

Просто потому, что она подходила по возрасту! Уму непостижимо.

— Но я…

Мать приложила палец к ее губам:

— Тише. Бояться нечего. Он выберет Миэлин Ратрак. Твое участие — формальность, к тому же, довольно почетная. Когда вернешься, это откроет нам многие двери, принесет уважение. Даст вам обеим шансы на лучшую жизнь…

Привычный мир трещал по швам с каждым новым словом матери.

— Да, мама… — потрясенно вымолвила Ярнара, не в силах перечить матери и дому Йосомов, уже решивших все без ее согласия.

— Умница. Все закончится быстрее, чем ты успеешь моргнуть!

Но Ярнара чувствовала обратное — ее жизнь только начинала набирать обороты и кардинально меняться.

Йосомы улетели, как только официально объявили новость. Остаток дня прошел в настоящей суматохе: слуги сновали по поместью, вытаскивая платья из старых шкафов, перебирая украшения, чистя шелка и бархат. Спустя час после того, как на весь Хольмгард прогремела весть о кандитатке Ярнаре, в дом привезли старого семейного портного. Он ворчал, мерил, колол булавками и шипел про "невозможные сроки", но все же делал свою работу под пристальным взглядом барона Риндаля.

Ярнара стояла в центре большой и светлой комнаты и чувствовала себя не девушкой, а вещью, которую спешно приводят в порядок перед далеким и непонятным путем. Манекеном. Пустой оболочкой.

Мамины украшения — скромные в сравнении с сокровищами Великих Домов — вынесли в шкатулках. Для представления выбрали платье из мягкого голубого шелка с серебряной вышивкой по подолу. Простое и сдержанное настолько, чтобы не обидеть богатых и не посрамить Йосомов.

Портной ловко стягивал ткань, крепил застежки и ровнял складки.Отражение в зеркале казалось Ярнаре старше и строже в сравнении с тем, что она видела еще утром.

А вот сияющая Мойрана кружила вокруг сестры, вовсе не разделяя ее пессимизма:

— Ярнара! Подумай только! Мы едем на Ноктион! На планету Императора! Это же мечта! — она буквально парила над полом от восторга.

— Целый месяц в пути… Я ведь была за пределами Хольмгарда всего один раз, да и то на два дня…

— Не говори глупостей! Подумай о роскоши! О великолепии! Все Великие Дома будут там. И, возможно, сам Император! Это легендарное событие. Там творится история, а мы будем ее свидетелями!

Сестра захихикала и, как подобает этикету, прикрыла рот ладонью, будто уже находилась в высшем обществе:

— Бедная Луиза… Представляешь, как она взбесится, когда узнает, что я танцую с молодыми аристократами, пока она изнемогает от болезни в своей постели?

Ярнара отвела взгляд и ойкнула, когда портной случайно уколол ее булавкой и начал поспешно извиняться. Восторг сестры лишь усиливал ее внутреннюю тревогу.

Под вечер вся семья собралась за ужином, но без пафоса, гостей и лишних глаз. Атмосфера уюта и тепла сменилась всеобщей нервозностью.

Бьярндун срочно вызвал Грэхама домой. Брат хоть и приехал уставшим, но пытался по-своему поддержать Ярнару успокаивающей улыбкой.

Когда все заняли свои места за столом, Грэхам первым поднял бокал:

— За Ярнару! — произнес он короткий тост. — И помни: что бы ни случилось, твой дом и твое сердце всегда здесь. С нами, моя дорогая сестра.

Глаза Ярнары увлажнились накопившимися за день слезами. Искрец, сидевший у нее на коленях, тревожно поскуливал, когда она невольно сжимала его в объятиях слишком сильно.

После ужина, когда последние слуги разошлись по делам, Ярнара незаметно покинула свою комнату. Босиком она прошла по прохладным коридорам во двор и спустилась к своему любимому саду. В тени деревьев Ярнара простояла еще долго, вдыхая запах земли, цветов и свежести. Запах дома.

Над головой мерцали холодные звезды — прекрасные, далекие и такие недосягаемые. И оттого — еще более пугающие.

Завтра Ярнара покинет дом и поднимется на корабль, который увезет ее в самое сердце Империи. Ей предстоит долгий путь через пустоту космоса, целый месяц среди звезд и планет… Мысль об этом казалась пугающе нереальной.

Ярнара закрыла глаза, наслаждаясь остатками покоя и безмятежности, которые царили в спящем саду.

А утром, когда необычайно мягкий рассвет лег на холмы Хольмгарда, на площадке ее уже ожидал корабль Дома Йосом.

Глава 3

Путь до Ноктиона казался бесконечным. Дни перетекали в ночи, ночи возвращались в дни — и все это тянулось среди черной пустоты за иллюминаторами их скромного по масштабам вселенной корабля. Ярнара с замиранием сердца смотрела, как за стеклом медленно проплывали холодные звезды. Далекие, равнодушные, будто не замечающие дрейфующих в железяке людей.

Лорд Йосом с супругой, разумеется, летели вместе с ними. Не из вежливости, а чтобы лично убедиться, что Риндали не опозорят их дом и сыграют отведенную роль правильно и четко.

Леди Фарина Йосом, суровая женщина с острыми чертами лица и еще более острым языком, не упускала ни одной возможности напомнить Ярнаре ее место:

— Ты не должна говорить, пока к тебе не обратятся, — обратилась она к Ярнаре как-то вечером, натянуто улыбнувшись. Эту улыбку легко можно было принять за неприязнь — ее раздражала наивность Ярнары и то, что на брачном рынке будет участвовать не ее собственная дочь. — Ты представляешь не только Дом Риндаль. Любая твоя ошибка отзовется на всех нас. И поверь, леди Ярнара, двор Ноктиона куда менее снисходителен, чем я.

Ярнара судорожно сглотнула и кивнула, ковыряя вилкой еду. Кусок в горло не лез. Сидящий напротив Грэхам бросил ей короткий, поддерживающий взгляд, но и тот нес в себе отголоски искренних переживаний.

Лорд Йосом, мрачный и сдержанный мужчина, редко разговаривал с Ярнарой. Большую часть времени он проводил в уединении с бароном Бьярндуном, обсуждая стратегию и вопросы политики.

Оставаясь наедине со своими мыслями, Ярнара подолгу сидела у иллюминатора с раскрытой книгой на коленях. Ее взгляд почти не двигался по строчкам. Искрец по привычке крутился рядом, напоминая о тепле дома.

Иногда к ней подсаживался Грэхам, но не с целью заводить разговоры о грядущем брачном рынке, а чтобы отвлечь Ярнару рассказом о той или иной звезде или планете.

Мойрана, наоборот, оставалась собой: смеялась, болтала, мечтала о жизни при дворе, о дорогущих платьях и эффектных танцах с уважаемыми кавалерами. Она будто проживала эти скучные и наполненные неизвестностью будущего дни без усилий и сразу за всех — за Луизу, которая должна была быть тут, и саму Ярнару.

Когда объявили, что корабль, наконец, входит в систему Ноктиона, Ярнара вместе с Мойраной и Грэхамом поспешили на обзорную палубу.

От открывшегося вида перехватывало дыхание даже у тех, кто уже видел нечто подобное.

Ноктион сиял в космической пустоте, как драгоценный камень: глубокие зеленые материки, темно-синие океаны, мягкие белые облака. Вокруг планеты сновали сотни тысяч кораблей, похожие на рой насекомых вокруг спелого сочного плода. Каждый хотел урвать себе хотя бы крошечный кусочек благодати.

Их собственный корабль, небольшой дипломатический шаттл под скромным флагом Дома Йосом, приближался к главной орбитальной станции, похожей на огромный и тщательно охраняемый престол. На фоне роскошных судов Великих Домов их шаттл моментально терялся и мерк.

Корабль Дома Розаль сверкал слоновой костью и золотом, на его корпусе виднелся белый силуэт гербовой голубки. Следом за ним неторопливо шел корабль Дома Веларин — серебристо-зеленый и с выгравированными на бортах парными оленями.

Но даже эти гордые, сияющие корабли не шли ни в какое сравнение с флагманом Хеллвейнов. Тот не сиял, он, наоборот, поглощал свет.

Он нависал над орбитой: черный, как сама космическая пустота, и острый, лишенный ненужных деталей. Огромный и молчаливый. Серебряный ястреб Хеллвейнов хищно распахивал большие крылья на корпусе — судно источало силу и угрозу даже одним своим видом. Оно напоминало не средство передвижения, а оружие, создавая резкий контраст с яркими изящными кораблями других Домов. Флагман напоминал, кем является Дом Хеллвейн: дисциплинированной, военной, суровой мощью.

На борту Йосомов повисла тяжелая тишина. Даже Мойрана замолчала: подалась вперед и почти прижалась лицом к стеклу, глаза ее расширились, губы приоткрылись в детском изумлении. Лорд Йосом медленно выпрямился, его привычная уверенность сменилась сосредоточенной настороженностью. Леди Фарина вцепилась обеими руками в его локоть и тоже не произнесла ни слова.

Когда трап опустился, сердце Ярнары застучало так громко, что она ощутила давление в висках и слабость в ногах. В воздухе витали дорогие, тонкие ароматы, где-то вдали звучал смех и негромкая музыка. Слуги в безупречной форме почтительно кланялись и провожали прибывающих гостей. Стража внимательно следила за всеми присутствующими.

Хольмгард, оставшийся так далеко, со своими тихими холмами и уютными домами, ощущался выдуманной детской сказкой по сравнению с тем, что открывалось перед глазами на Ноктионе.

Искрец тихо заскулил у нее на руках. Ярнара крепче прижала собачку к себе и неловко шагнула вперед. Каждый оценивающий взгляд, который она ловила на себе, казался ей настоящим испытанием. Но все быстро теряли к ней интерес.

Предоставленные им комнаты оказались ослепительно красивыми: с высокими потолками, мраморными полами и балконами с видом на мерцающий город. Слуги поклонились и бесшумно вышли, позволяя гостям перевести дух.

Мать повернулась к Ярнаре, на ее лице светилась гордость, а в глазах пряталась родительская тревога, пальцы заметно подрагивали:

— Дорогая, представь только, завтра все взгляды будут прикованы к тебе!

Ярнара рассеянно кивнула — она не могла радоваться, пока внутри все сжималось в тугой узел. Она опустилась в мягкое кресло и сцепила пальцы на коленях так крепко, что побелели костяшки. Искрец заинтересованно обнюхивал убранство комнаты.

Она не готова! Ни к брачному рынку, ни к взглядам других, более успешных кандидаток, ни к выходу на поклон для герцога…

Ночью из-за переживаний Ярнара почти не спала, ей то мешал гул систем охлаждения, то далекая, похожая на шепот музыка, то огни огромного города за незашторенными окнами. И все казалось таким чужим… Она уже скучала по тишине Хольмгарда, по ночному воздуху, пахнущему травой, по утрам, когда ее будили птицы и Искрец, а не тревога или кошмары.

Искрец, похоже, уже привык к этой вычурной атмосфере: спокойно спал под боком пузом кверху, изредка подергивая задней лапой в воздухе. Ярнара вздрагивала от каждого нового звука и шороха.

***

Учтивый стук в дверь заставил Ярнару резко открыть глаза. Послышался приглушенный голос матери:

— Ярнара, милая, доброе утро. Пора!

Она медленно моргнула, еще не до конца понимая, где находится. Большая комната, высокие потолки, незнакомые запахи… А потом вспомнила: кто она, почему находится здесь, в чужой постели, и что ждет ее дальше.

Брачный рынок начинался.

— Не заставляй их ждать, — вновь раздался голос матери.

Ярнара нехотя поднялась с теплой постели и подошла к большому зеркалу, будто специально выставленному чуть ли не по центру комнаты для актов самолюбований. В отражении на нее смотрело бледное лицо с широко раскрытыми, испуганными глазами. Бедная маленькая девочка, которую зачем-то втянули в политические проблемы Дома Йосом…

В комнату вошли три придворные служанки, чтобы молча выполнить свою работу: сначала они провели все банные процедуры, затем долго расчесывали ей длинные темные волосы с применением дорогих и ароматных масел, пока те не заблестели, далее переплели их в сложный узор из мягких кос, элегантно уложенных на спину. Добавили украшения.

Мать стояла рядом и тщательно наблюдала за процессом, разглаживая несуществующие складки на ткани одеяний и, несмотря на старания, не могла скрыть дрожь в руках.

Платье Ярнары из голубого шелка мягко ложилось по фигуре, но не слишком откровенно выделяло ее женские формы. Тонкая серебряная нить узора обрамляла рукава и подол, красиво бликуя на свете при движениях. На шее висел кулон с лунным камнем, в ушах — мамины жемчужные серьги. Их выбрали не ради моды, а ради тихой и ненавязчивой красоты.

Ярнара выглядела достойно и, главное, почти незаметно.

— Все будет хорошо, — улыбнулась Сигрид. — Это честь — быть здесь.

Пришло время отправляться на завтрак, который во дворце Императора во время брачного отбора никогда не являлся простым приемом пищи. Да, столы ломились от яств, но главное здесь было не в ароматных и украшенных блюдах.

Это было тихое начало долгой церемониальной партии. Первая встреча дочерей и их Домов, где семьи внимательно приглядывались друг к другу, представительницы младших Домов украдкой изучали наследниц Великих, а мягкие улыбки скрывали за собой холодный расчет. Мужчина, ради которого все здесь собрались, появляться не должен был — герцог по традиции не присутствовал на ранних приемах.

Имперские слуги провели Ярнару и ее мать по отполированным коридорам, украшенным колоннами, статуями и картинами, к обеденному залу. Он оказался таким же огромным и залитым ярким солнечным светом, как и остальные гостевые помещения. Над головой сверкали большие люстры с драгоценными камнями, в панорамных окнах открывался захватывающий вид на императорский сад. Большинство кандидаток с семьями уже сидели за столами. Шепот голосов, шелест шелка, редкий звон посуды — все это тонуло в напряженном ожидании самого главного.

Ярнару с семьей, которую подцепили по коридорам, провели к столику у самого края — вдали от первых рядов, где разместились сильнейшие и богатейшие Дома. Она выпрямилась, сложила руки на коленях и постаралась не выдать, как сильно ее трясло изнутри.

Впереди сидели идеальные девушки: у каждой была безупречная осанка, плавные движения, тщательно выверенные жесты. Их прически и платья сияли камнями и бисером, ярко переливаясь в лучах утреннего света.

Мелькание серебра привлекло взгляд Ярнары. В полированной поверхности кувшина отразилась она сама — с темной косой, сдержанным платьем, мягкими линиями фигуры. Те самые округлости, которые дома казались ей естественными и красивыми, здесь вдруг выглядели отчего-то неуместно.

Ярнара взяла чашку, чтобы отвлечься от назойливых мыслей о том, что здесь ей не место. Искрец с миской еды, принесенной служанкой, остался в комнате — некому было ткнуться в ладонь холодным носом и напомнить, что она все еще важна для кого-то. В этом дворце, возведенном для богов и хищников, она была чужой, беспомощной и одинокой.

Внезапно зал стих. Двери в дальнем конце распахнулись — и в помещение вошли двое имперских гвардейцев в парадной форме синего цвета с серебром. По залу прокатился приглушенный шепот.

А затем вошла принцесса Миэлин Ратрак.

Она не спешила и не должна была спешить. Двигалась так, как движется человек, с рождения знающий, что все взгляды принадлежат ему, а любой зал — его сцена, любое общество — его аудитория.

Миэлин была прекрасна.

Золотые волосы мягко спадали по плечам, кожа светилась изнутри, будто поцелованная и благословенная самим солнцем. Платье нежно-лилового цвета эффектно подчеркивало ее высокий и стройный силуэт. Тонкая вышивка на ткани мерцала, как россыпь далеких звезд. Черты ее лица тоже безупречны: высокие скулы, большие голубые глаза с темными ресницами, спокойная и естественная улыбка на пышных алых губах.

Пока Миэлин двигалась по обеденному залу, взгляды присутствующих магнитом тянулись за ее статной фигурой. Шепот становился гуще, наполненный восхищением, завистью и почти благоговейным трепетом. Редко кому удавалось рассмотреть принцессу вблизи без риска быть уличенным в невежестве.

Ярнара ощутила перемену в зале почти физически, словно воздух стал плотнее и тяжелее после появления Миэлин.

Совершенная принцесса. Очевидный выбор для Железного Герцога, как его называли в народе.

Мойрана сидела рядом, то сжимая, то разжимая пальцы, а потом не выдержала, наклонилась к Ярнаре и прошептала:

— Только посмотри на нее. Все уже решено. Она — будущая герцогиня.

Ярнара едва заметно кивнула. Губы пересохли.

Взгляд Миэлин не был жестоким или надменным, нет, он просто отражал привычку с ранних лет считать окружающих частью декора в своей роскошной жизни. Она одаривала мягкими улыбками богатые Дома, чуть склоняла голову перед особыми титулами. Когда Миэлин села на приготовленное для себя место в центре, вокруг нее тут же собрались другие: слуги спешили наполнить ее чашку, не последние по своему значению в императорском дворце придворные — заговорить или хотя бы просто показаться рядом, поймать хотя бы ее один мимолетный взгляд.

Присутствия принцессы было достаточно, чтобы дать понять собравшимся: решение уже принято, все остальное — чистая формальность, потому что “так положено”.

За маленьким столиком в глубине зала Ярнара опустила глаза и снова принялась механически помешивать чай. Пар поднимался вверх, но она его даже не замечала.

Это было неважно.

И никогда не было важно.

Ярнара приехала сюда не для того, чтобы победить или покрасоваться перед другими. И уж тем более не для того, чтобы найти себе мужа.

Ее задача — тихо стоять, вежливо улыбаться и быть удобной. И все же где-то глубоко внутри, под страхами и смирением, тихо ныла какая-то маленькая и непрошеная тоска.

Глава 4

Брачный рынок был не просто бессмысленной чередой бесконечных приемов и примерок платьев. Он держался на ритуалах и традициях, по которым судили здесь не только девушек.

Если Дома выставляли своих дочерей напоказ, чтобы их оценивали, сравнивали и перебирали, как самый лучший товар на прилавке, то и ищущий себе жену мужчина обязан был доказать, что достоин. Показать не только богатство и титул, но и свою силу, выносливость, власть.

Для такого человека, как герцог Рэйгон Хеллвейн, наследника одного из самых могущественных Домов Империи, это доказательство могло быть только древнейшим и самым наглядным — в бою.

Сегодняшний день был нужен не только кандидаткам — Рэйгон Хеллвейн нуждался в нем не меньше.

Согласно традиции, если правитель или великий лорд искал себе супругу, он выходил на арену и участвовал в публичном состязании, демонстрируя физическую силу и мастерство. Это был тонкий, но понятный намек: он способен защитить свой Дом и тех наследников, что когда-нибудь родятся в заключенном браке.

Джиу-джитсу, доведенное за века до совершенной формы искусства, сочетающее дисциплину, технику и хищную красоту движения, почиталось по всей Империи. Раз в пять лет на Ноктионе устраивали великий турнир, куда съезжались знать, военачальники и лучшие бойцы с разных миров. И уже много лет подряд имя победителя было одним и тем же.

Рэйгон Хеллвейн.

Теперь, под предлогом брачного рынка, он выходил на арену снова, наглядно подтверждая свое первенство, силу и право выбирать.

“Вот мужчина, достойный женщины”.

Процессия двигалась по дворцовым коридорам единым потоком шелка, золота, красоты и какофонии смешивающихся духов всех оттенков запахов. Ярнара, как и положено, шагала в глубине толпы вместе с другими кандидатками. Чем ближе они подходили к Императорской арене, тем отчетливее доносились звуки из большого и страшного внешнего мира.

Глухие удары барабанов и рев толпы, которая приготовилась внимать очередному зрелищу.

Тысячи людей собрались, чтобы увидеть представление. Высоко под куполами колыхались сотни знамен — все они принадлежали разным Великим Домам. Среди них выделялся стальной ястреб Хеллвейнов, развевающийся так, будто уже стал здесь хозяином.

Кандидаток подняли по широкой мраморной лестнице на балкон для почетных гостей, откуда представление должно было выглядеть особенно впечатляющим. Девушки почти бегом ринулись к краю. Их балкон мгновенно вспыхнул россыпью дорогих тканей, сияющих заколок, безупречных причесок и заранее отрепетированных улыбок.

Ярнара старалась держаться вместе со всеми, но девушки напирали вперед, выискивая “лучшее” обзорное место, мягко и неумолимо оттесняя ее назад. Плечо к плечу, локоть к локтю, кандидатки искали ту точку, откуда взгляд герцога с наибольшей вероятностью зацепится именно за них.

Ярнара шагнула в сторону к самому краю балконной ложи, откуда почти не видела арену.

Зато отлично видела Миэлин Ратрак.

Принцесса стояла в центре, словно этот участок балкона был создан для нее одной. Пальцы ее легко касались каменного поручня, но Ярнара уловила напряжение в этом внешне небрежном жесте. Голубые глаза Миэлин неотрывно следили за воротами в дальнем конце арены.

Она ждала его.

Барабаны били все громче, их ритм отзывался где-то глубоко в груди и разжигал кровь перед шоу.

На арене тяжело скрипнули высокие железные ворота — и на песок уверенно вышел герцог Рэйгон Хеллвейн.

Толпа издала единый выдох, словно тысячи людей разом расправили грудную клетку.

Ярнара почувствовала, как чьи-то плечи мягко, но настойчиво подтолкнули ее вперед, и впервые ясно увидела Железного Герцога.

От его высокой фигуры веяло силой и мощью. Он точно знал пределы собственного тела и умел их расширять. На нем была традиционная форма бойца Дома Хеллвейн — черная с серебряной отделкой и алым поясом на талии, знаком действующего чемпиона арены.

Солнце отражалось от коротких темных волос, подчеркивая резкие черты лица. Он был красив, но красотой иной породы — не придворной и не выставочной, а холодной и опасной, как у оружия, созданного для конкретной цели: захватывать, подчинять, управлять.

Лицо Железного Герцога оставалось бесстрастным, на нем не было ни волнения, ни тени тщеславия, только сосредоточенность и неприступность. Он привык побеждать.

Миэлин Ратрак едва заметно вздохнула. Грудь ее приподнялась, она прижала к ней ладонь и чуть прикусила нижнюю губу.

Вокруг снова оживился шепот. Восхищенные взгляды скользнули к Миэлин — к той, кому Рэйгон Хеллвейн “принадлежал” уже сейчас. Но пока еще не официально.

Он уже ее — так виделось большинству присутствующих.

Ярнара стояла почти неподвижно, сжимая ладонями холодный камень перил, чтобы не потерять сознание от переизбытка эмоций. Сердце билось глухо и тяжело, ритм то и дело сбивался из-за громких барабанов. Собственное присутствие казалось лишним, словно Ярнара по ошибке оказалась в месте, которое принадлежало совсем другому миру. Другому человеку.

И все же она не могла отвести взгляд от происходящего внизу.

Голос распорядителя, усиленный акустикой арены, прокатился эхом над заинтригованной толпой зрителей:

— По древнему обычаю и во имя чести — да начнется Испытание Силы! Выйдите те, кто осмелится встать против герцога Дома Хеллвейн!

С противоположной стороны арены один за другим появились претенденты. Каждый из них, несомненно, был опытным бойцом, отобранным из лучших воинов Ноктиона и соседних миров. Герцоги и лорды, прославленные командиры и чемпионы. Кто-то выходил ради славы, кто-то — ради проверки себя, кто-то — ради единственного шанса хотя бы на миг затмить непобедимого.

Эти мужчины выглядели внушительно ровно до того момента, пока не встали напротив Рэйгона Хеллвейна.

Первый бросился вперед, полагаясь на скорость и грубую силу. Рэйгон двинулся навстречу стремительно и точно, будто клинок, выскользнувший из ножен. Прошло всего несколько секунд — и мужчина уже лежал на песке, судорожно хватая воздух, полностью обезоруженный и окончательно побежденный.

Толпа взорвалась криками. Знамена заколыхались под куполом, будто их накрыла единая волна всеобщего восторга.

На арену вышел следующий.

Затем еще один.

Схватки были короткими, но справедливыми и честными — это состязание мастерства, а не жестокости. Каждый бросок, каждый захват, каждый шаг Рэйгона демонстрировал такую степень мастерства, что создавалось ощущение, будто он вовсе не прилагал усилий для победы.

Он не просто сражался, он управлял происходящим.

Ярнара невольно закрывала глаза, когда противники герцога падали на песок, ее сердце будто обрывалось вниз вместе с ними. И не только она одна эмоционально реагировала на битву: девушки наклонялись вперед, чтобы получше рассмотреть схватку, о чем-то перешептывались. Восторг в их голосах звучал все четче.

Миэлин Ратрак сцепила руки на груди. Губы ее были приоткрыты, взгляд прикован к арене в безмолвном восхищении. Все ее естество обращалось к герцогу и ловило каждое его движение, миг триумфа.

Казалось, что сама арена, зрители и кандидатки служат лишь фоном для сцены, написанной кем-то заранее.

Рэйгон Хеллвейн и Миэлин Ратрак.

Сила и красота, власть и благодать.

Последний соперник — седой рыцарь одного из Центральных Домов — рухнул на колени и склонил голову в знак поражения.

Арена взорвалась оглушительным ревом. Знамена Хеллвейнов взметнулись вверх, вспыхивая в воздухе снова и снова.

Рэйгон остался один посреди песка, он не выглядел ни взъерошенным, ни уставшим. Солнечный свет мягко очерчивал его фигуру, создавая вокруг золотистый ореол.

Без колебаний он развернулся и направился к балконам.

Знать поднялась на ноги, по залу волной прокатились аплодисменты. У края балкона торопливо выстраивались кандидатки, приглаживая платья, поправляя украшения и выпрямляя осанку. Сердце гулко билось в груди, пока герцог приближался, земля уходила из-под ног.

На один короткий миг весь этот шумный мир будто замер.

Рэйгон склонился в поклоне не в сторону высоких лож, а почти подчеркнуто — к балкону, где стояли предполагаемые невесты.

Это был поклон в их честь.

А вот его острый и непроницаемый взгляд устремился на Миэлин Ратрак. Принцесса без колебаний встретила этот взгляд своим и опустилась в безупречный, плавный реверанс. Лицо ее сияло уверенностью и гордостью за заранее известный исход событий.

Послание было ясно даже тем, кто предпочел бы его не замечать. Это спектакль, подношение и сватовство одновременно, написанное не словами, а победами, силой и безоговорочным превосходством. Миэлин словно примеряла на себя титул будущей жены и герцогини.

Ярнара опустила взгляд на холодный мрамор пола. Шум аплодисментов отошел на задний план, потерял четкость и масштаб. Все как-то разом померкло.

Она никогда еще не чувствовала себя такой маленькой. Никогда прежде так ясно не понимала, насколько незаметна среди золота, власти и чужих, давно решенных судеб.

Глава 5

Вечерние сумерки опускалось за мостами Ноктиона, погружая город в полумрак, но внутри Императорского Большого Дворца свет не гас никогда — за исключением хозяйских спален.

Огромные хрустальные люстры освещали просторный бальный зал сотнями переливающихся огней. Уходили ввысь высокие колонны, украшенные символами древнейших Домов. Где-то под потолком скрытые от глаз гостей музыканты играли тихие и изящные мелодии.

Это было завершение церемонии — кандидатки должны официально предстать перед герцогом Рэйгоном Хеллвейном. А затем он озвучит свой выбор.

Долгий день из бесконечных ожиданий, взглядов, которыми ее оценивали, улыбок, которые приходилось удерживать, и поклонов, выученных до автоматизма, давил на плечи тяжелым невидимым грузом. Ярнаре хотелось только одного — чтобы все это поскорее закончилось. Вернуться домой, смыть с себя остатки чужого мира и спокойно выдохнуть, занимаясь привычными делами. И пусть сестра еще долго будет обсуждать этот памятный день… Впереди оставался месяц пути обратно, но он хотя бы вел к тишине Хольмгарда, а не к тревоге, что преследовала здесь на каждом шагу.

За ее плечами стоял отец, барон Бьярндун Риндаль — он тоже устал, измотанный переживаниями за дочь.

Ярнара пригладила подол своего второго платья. После турнира кандидатки переоделись в вечерние наряды, созданные для того, чтобы притягивать внимание и сверкать во время танцев. Это был финальный этап — последний шанс очаровать Железного Герцога.

Вокруг, словно драгоценные камни, сияли благородные дочери. Их выстраивали по рангу Домов и негласным соперничествам. Подбородки были приподняты, все жесты выверены, слова заранее продуманы и безопасны.

Миэлин Ратрак вновь заняла место в самом центре. Она выглядела уверенно и недосягаемо, никто не подходил к ней слишком близко и — уже тем более — не позволял случайных прикосновений. Даже самые гордые дочери Великих Домов отступали на шаг, будто близость к принцессе могла обернуться для них наказуемой дерзостью.

У императорского трона, гордо расправив плечи, стоял Рэйгон Хеллвейн, узкая лента на его талии оттенка крови напоминала о совершенных триумфах и о том, что он по праву занимал титул непобедимого Железного Герцога.

Он выглядел именно так, как и должен выглядеть герцог, которого Империя одновременно боится и превозносит.

Объявитель шагнул вперед и поднял свой позолоченный жезл — удар об пол гулко прокатился по залу, заставив все лишние разговоры смолкнуть.

— Лорды и Леди Империи! — громко возвестил он. — По указу Императорского Дома и во имя древних обычаев брачного отбора кандидатки будут представлены Его Светлости, герцогу Рэйгону Хеллвейну.

Первой шагнула Миэлин Ратрак. Не потому, что ее назвали, а потому, что никто не сомневался: именно ей надлежит стать первой.

Объявитель лишь на мгновение замялся, затем поспешно продолжил:

— Ее Высочество, принцесса Миэлин Ратрак из Императорского Дома.

Миэлин Ратрак спускалась по мраморным ступеням легко и грациозно. Платье из сапфирового шелка спадало на пол длинной волной, а серебряные украшения мерцали в волосах, как звездный дождь.

Рэйгон Хеллвейн шагнул вперед с бесстрастным выражением лица, хотя все эти прекрасные женщины собрались здесь сегодня ради него одного. Неужели он не мог проявить хоть каплю… Человечности и эмоций в такой ответственный момент?

Миэлин присела в безупречном королевском, но не покорном реверансе. Рэйгон принял ее изящную руку, как подобало этикету церемоний, и наклонился. Его губы коснулись тонких девичьих пальцев ровно настолько, насколько позволял протокол. Их взгляды пересеклись на одно лишнее мгновение.

Этого было достаточно.

Миэлин выпрямилась и отошла, излучая спокойную уверенность женщины, которую не выбирают, а которую ожидают. Пока принцесса не заняла свое место, никто не посмел двинуться вперед.

Затем прозвучало следующее имя — и церемония вступила в свой законный ритм.

Одна за другой девушки спускались по ступеням, сопровождаемые отцами или опекунами. Каждая выполняла реверанс, подавала руку для приветственного поцелуя — жеста, наполненного традицией, но лишенного личного смысла и чувств.

Рэйгон принимал всех одинаково холодно и безупречно, как подобало традициям, а не обещаниям счастливой семейной жизни.

Ярнара была последней. Когда объявили ее имя, она едва не оступилась, хоть и пыталась мысленно подготовиться заранее. Щеки вспыхнули, но отец, Бьярндун Риндаль, тут же подхватил ее под руку и помог сделать первый шаг к лестнице.

Дальше ноги двигались сами по себе. Большой зал расплывался перед глазами, лица присутствующих сливались в сплошное размытое пятно. Зато Ярнара чувствовала тяжесть сотен взглядов, единодновременно направленных на ее скромную фигуру от дома Йосом.

Одни были наполнены любопытством, другие оставались равнодушными, а третьи — уже откровенно отвергали ее кандидатуру.

Голос объявителя донесся до Ярнары словно издалека:

— Леди Ярнара Риндаль, дочь Дома Риндаль, Хольмгард!

Прозвучавшее имя потерялось в огромном пространстве зала.

Ярнара сделала поклон так, как ее учили. Пальцы дрожали. Когда она подняла голову, Рэйгон Хеллвейн уже тянулся к ее вспотевшей от страха ладони.

Он почти не смотрел на нее, когда касался губами руки.

Вот и все.

Ярнара вновь присела в реверансе и позволила отцу увести себя к краю зала — подальше от герцога и обратно в спасительную тень. Сердце билось так громко, казалось, его стук эхом разносился по бальной зале.

Но никто его, естественно, не слышал.

Музыка изменилась — начинался первый танец. Согласно обычаю, герцог должен был выбрать партнершу. В зале не нашлось ни одного человека, который бы заранее не знал о его решении.

Рэйгон подошел к девушкам и, не раздумывая ни секунды, подал руку Миэлин Ратрак.

По залу прокатился ожидаемый и почти облегченный вздох.

Вложив пальцы в его ладонь, Миэлин вышла на сверкающий пол с победной улыбкой. Оркестр заиграл громче, заполняя пространство красивой музыкой.

Все взгляды были прикованы к ним. Перед гостями танцевало будущее Империи — прекрасное, неизбежное и, казалось бы, не подлежащее никакому сомнению.

Ярнара смотрела за танцем из своего укромного угла, в глазах щипало от яркого сияния люстр, драгоценных камней и общей вычурности происходящего. Она моргнула и заставила себя натянуто улыбнуться, когда мать бросила на нее настороженный взгляд.

Продержись еще совсем немного...

Танец завершился идеальным пируэтом. Оркестр умолк, зал на мгновение застыл в ожидании, а потом, как по команде, последовали ровные и почтительные аплодисменты.

Рэйгон поклонился Миэлин и учтиво проводил ее к ряду ожидающих кандидаток.

Все шло именно так, как и было спланировано.

Герцог повернулся с намерениями продолжить вечер, но в этот момент все изменилось: человек в ливрее Дома Хеллвейн быстро пересек зал по направлению к Рэйгону, наклонился и что-то сказал ему вполголоса.

Ярнара не слышала слов, но отчетливо видела перемены: по лицу Рэйгона скользнуло мимолетное удивление, потом — нечто более острое и опасное. Это были его первые эмоции, показанные прилюдно за весь день.

Во взгляде Рэйгона промелькнули изумление, недоверие и неподдельный гнев. Даже свет в зале как будто стал тусклее и мрачнее. Не произнеся ни слова и даже не кинув на толпу хотя бы одного взгляда, он резко развернулся и стремительно покинул зал.

Двери за ним захлопнулись с тяжелым, гулким звуком, и в помещении повисла напряженная тишина. Оркестр сбился, ноты дрогнули и смолкли. Никто не знал, что случилось.

Миэлин Ратрак будто бы застыла. Лицо принцессы исказилось в недоумении, она шагнула вперед, явно собираясь последовать за герцогом, но высокий пожилой мужчина в темно-синих одеяниях почтительно склонился перед ней:

— Ваше Высочество, прошу вас остановиться.

— Я не просто кандидатка! Я имею право знать, что случилось.

Мужчина не дрогнул.

— Все кандидатки равны до тех пор, пока выбор герцога не будет объявлен официально, — его голос был спокойным, но непреклонным. — Я вынужден настаивать, Ваше Высочество.

На короткий миг показалось, что Миэлин нарушит протокол и испортит вечер скандалом, который войдет в историю Империи новым интересным витком слухов. Но, ощутив на себе сотню взглядов и услышав нарастающий гул шепотов, она резко щелкнула веером и вернулась на свое место.

После паузы оркестр неуверенно начал новую мелодию.

Бал продолжился.

Но непринужденность вечера, который должен был стать идеальным и значимым для этого дворца, уже дала трещину и медленно погружалась в тревожную неизвестность.

Глава 6

Небо над Хеллвейном, родным миром Дома Хеллвейн, затягивало тяжелыми тучами. Ветер выл над крепостью, и этот вой казался прямым отголоском той ярости, что клокотала в зале военного совета.

Внутри большого совещательного зала воздух был натянут, как струна.

Герцог Рэйгон Хеллвейн стоял в центре все в тех же черно-серебряных церемониальных одеждах, в которых поспешно покинул Ноктион. Ни блеск ткани, ни безупречный крой не могли смягчить очертаний его лица и тот огонь, что тлел в глубине его взгляда.

Вокруг находились лишь те, кому он доверял. Младший брат, лорд Веррис Хеллвейн, нервно расхаживал взад и вперед. Дядя, старый генерал Лайос Хеллвейн, возвышался над столом неподвижной, массивной фигурой. Рядом стояла сестра, леди Абель Хеллвейн, беспокойно глядя в окно на буйство природы.

Тишину нарушил глухой голос Лайоса:

— Этот пункт был ловушкой, подготовленной самим Императором. Его вписали во все брачные контракты, отпечатанные Имперской канцелярией на Ноктионе. Даже в тот, что предназначался Миэлин Ратрак.

Он провел ладонью над голографической картой, где сеть родственных и политических связей вспыхивала холодным голубым светом.

— Формулировку спрятали глубоко, замаскировали под церемониальный текст. Но смысл предельно ясен. Если ты женишься на одной из официальных кандидаток, ты обязуешься отказаться от любых будущих прав на Императорский трон.

Веррис резко выдохнул, будто получил удар под дых:

— И сами Дома не знали, да? Их тоже обвели. Им подсунули престиж и почет, а на деле использовали, чтобы загнать тебя в ловушку.

Голос Абель прозвучал тише, но не менее жестко:

— Речь никогда не шла о браке. И не о Миэлин! Речь всегда шла о тебе, брат. О Доме Хеллвейн. Император тебя боится…

Челюсть старого генерала сжалась так, что заиграли желваки.

— Ты полагался на старые договоренности и равновесие сил. На то, что после смерти Императора союз с Миэлин сделает вопрос наследования бесспорным.

Веррис зло усмехнулся и ткнул пальцем в карту:

— Но старый ублюдок и не думал уступать! Ни в этом поколении, ни в следующем. Он не просто хочет избавиться от тебя, он хочет унизить, стереть Дом Хеллвейн с политической доски!

Вспышка молнии за окном на мгновение осветила лицо Рэйгона, который по-прежнему внимательно смотрел на голографическую карту. Будто в ней прятался ключ к разгадке этой проблемы.

Его голос, когда он заговорил, был низким и ровным — тем самым, что его враги боялись пуще крика и приговоров:

— Нас не загонят в угол, как зверя. Дом Хеллвейн ковали в бурях и похуже этой. Если Император думает, что одна скрытая строчка способна заковать нас в цепи, он сильно недооценивает то, на что мы способны.

— Тогда дай приказ, Рэйгон! Скажи только слово — и мы двинемся. Теперь это личное! Мы не обязаны терпеть такое оскорбление! — зло выплюнул Веррис.

— Мы не можем развязать войну из-за этого, — Лайос поднял руку и остудил пыл племянника. — Император именно этого и добивается. Он хочет, чтобы нас увидели бешеными псами, которые бросаются в атаку при первом же ударе. Безрассудными и предсказуемыми.

Рэйгон перевел взгляд на дядю и коротким кивком признал справедливость сказанного.

— Мы не позволим втянуть себя в войну по его правилам. Но и без ответа это не оставим.

Леди Абель слегка наклонила голову и прищурилась:

— Тогда что ты предлагаешь, брат? Если не война — чем мы отвечаем на этот плевок в лицо?

И тут в разговор вмешался Реннард — юридический советник Дома. В руках у него дрожал свернутый пергамент.

— Мои лорды, я еще раз проверил все контракты. Каждый из них прошел через Имперские каналы, — он сделал красноречивую паузу. — Кроме одного.

Все разом повернулись к нему.

— Какого?

Реннард сглотнул.

— Второстепенной кандидатки, Ваша Светлость. Леди Ярнары Риндаль. Дом прислал местный контракт без правок и без имперских печатей. Обычный вассальный шаблон.

— Объясни, — потребовал Рэйгон нетерпеливо.

— Дом Риндаль мал, Ваша Светлость. Он далек от Имперских игр. Их документы поступили в последний момент, как сюзеренская кандидатура вместо той, что внезапно заболела. Полагаю, у них не было ни времени, ни ресурсов отправлять бумаги через Имперскую канцелярию. Они обратились к местному писцу в Хольмгарде. И поэтому… — Реннард запнулся, словно опасался, что следующие слова вызовут новый виток споров и негодований.

— Поэтому в ее контракте этого пункта нет, — мрачно закончил за него Лайос.

— Ну надо же. Просто не заметили ее? — Веррис с трудом верил советнику. — Как это возможно?

— Девчонка из никому не нужного Дома. Ни силы, ни связей. Пустое место! — констатировала Абель очевидное.

— А если я не женюсь?

— Тогда оскорбление будет куда более масштабным. Вселенским, — отозвался Лайос моментально. — Ты забываешь, что это не домашний смотр невест. Брачный рынок проведен по приказу Императора и на его земле. Каждый значимый Дом отправил туда лучших дочерей за твоей благосклонностью.

Он ткнул пальцем в голограмму, на которой мерцали имена и гербы.

— Если ты уйдешь ни с чем после того, как они стояли перед тобой под пристальным наблюдением всей Империи — это сочтут демонстративным презрением и проявлением крайнего неуважения.

— Значит, старый подлец все продумал. Как ни поступи — он выигрывает, — сквозь зубы процедил Веррис. — Выбираешь хоть одну из них — ты связан. Женишься на Миэлин или любой другой — лишаешь себя права на престол. Пункт вступает в силу, Дом Хеллвейн фактически обнуляют.

— А если не выберешь никого, — тихо подхватила Абель. — Оскорбишь всех и каждого. Создашь себе врагов из тех, кто мог бы стать союзником. Императору останется только наблюдать, как мы сами роем себе могилу.

— Он построил почти идеальную ловушку, — Лайос в который раз указал на голограмму. — Но у тебя есть то, чего он не учел.

Он коснулся голографической карты в той точке, где вспыхнуло имя Ярнары Риндаль — маленьким, почти незаметным огоньком рядом с яркими гербами Великих Домов.

— Девушка, на которую никто не посмотрел. О которой никто даже не подумал.

— Никто не поддержит такой выбор, брат. Великие Дома сочтут это оскорблением, — добавил Веррис. — Дом настолько мелкий, что само приглашение выглядело для них милостью.

— Но по традиции она кандидатка, — недовольно пробормотала Абель. — Она стояла в зале, ее имя учтено.

— И ее контракт чист, — жестко отрезал Лайос.

Наступила новая пауза. Только ветер шумел за окном. Голубоватый свет проекции дрожал на лицах собравшихся за большим совещательным столом.

Абель вскинула руку и стала по очереди загибать пальцы, перечисляя факты:

— Это не впечатлит никого. Великие Дома будут смеяться. Скажут, что ты взял в жены служанку и надел на нее корону.

— Но они не смогут это оспорить, — ответил Лайос. — Не нарушив тех самых традиций, которые сами же и превозносят.

Веррис задумчиво провел рукой по подбородку и посмотрел на слабо мерцающее имя Ярнары:

— Получается, что ты “сделал выбор”, почтил рынок — и ушел, не позволив надеть себе цепь на шею?

— Если действовать быстро, Рэйгон, если потребуешь ее немедленно, — Лайос угрожающе наклонился над столом. — Император не успеет среагировать.

— Мы покажем ему, что я не в кандалах, что не склоняюсь и делаю выбор сам. Я, а не он, — Рэйгон гордо выпрямился и расправил свой плащ. — Подготовить варп-корабль. Поднять людей и найти ее. Немедленно!

Строгие команды прокатилась по залу, как удары боевого барабана. Кажется, родственники остались довольны исходом события. А их юридический советник облегченно выдохнул и утер пот со лба.

Рэйгон повернулся к огромному окну, за которым над Хеллвейном сверкало молниями мрачное небо. Его жесткий профиль озарялся на мгновения, а затем вновь погружался в полумрак.

— К утру Ярнара Риндаль станет моей герцогиней.

Не дожидаясь ответа, Рэйгон развернулся и вышел из зала. Эхо его шагов еще какое-то время отдавалось в холодном камне.

Буря снаружи разверзлась в полную силу.

Глава 7

Их путь с Ноктиона обратно в Хольмгард начинался тихо. Космос вновь готовился поглотить корабль Дома Йосом на целый месяц странствий по бескрайним просторам, где холодные звезды мерцали словно далекие, равнодушные свидетели человеческих судеб. Пассажиры, уставшие и сбитые с толку, а кто-то и униженный тем, чем обернулся брачный рынок, давно разошлись по каютам и погрузились в тревожный сон.

Но эта хрупкая тишина рухнула внезапно и без малейшего предвестия.

По коридорам корабля взвыли оглушающе громкие сирены. Ярнара рывком приподнялась на койке, сердце ее билось так яростно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Искрец, ее верный спутник, тревожно лаял. Снаружи доносились крики, топот и обрывки команд. Путаясь в собственных руках и ногах, она скинула одеяло, спрыгнула на пол и бросилась к иллюминатору.

Привычный звездный узор внезапно исчез, уступив место огромной, непроницаемой тени. Это было судно с ястребом на борту — эмблемой Дома Хеллвейн.

Стража Йосомов металась в панике, крики и приказы смешивались в один неразборчивый гул.

— Они просто вынырнули из ниоткуда и стыкуются! Боги милостивые, они стыкуются!

Спустя считанные минуты корабль сотрясся от мощного толчка: стыковочные захваты сомкнулись с глухим, металлическим лязгом, и вибрация прокатилась по всему корпусу. А потом все прекратилось так же резко, как началось.

Ярнара, прижав к груди дрожащего Искреца, уже стояла в главном коридоре рядом с семьей. Все они, наспех одевшись, выскочили из кают, не успев даже обменяться парой слов о происходящем. Твердая рука отца лежала на ее плече — этот простой жест говорил больше, чем любые утешения. Он обещал защищать.

Лорд и леди Йосом стояли впереди, недоуменно переглядываясь между собой. Немые вопросы, ответов на которые ни у кого еще не было, повисли в воздухе.

Звук тяжелых, размеренных шагов по металлу заставил всех испуганно замереть. Когда двери с шипением разъехались, на пороге возникли фигуры Дома Хеллвейн собственной персоной.

Неужели они что-то натворили? Где-то провинились?!

Ярнара ощутила на себе ядовитый взгляд леди Йосом, но далее все внимание переключилось на грохот тяжелых солдатских сапог по металлу.

Первыми прошли военнослужащие в знакомой черно-серебряной форме, с оружием в кобурах и шлемами, которые скрывали лица, превращая людей в безликие инструменты чужой воли. Они синхронно расступились и открыли дорогу герцогу Рэйгону Хеллвейну.

Рядом с ним замер капитан, держа в руках свиток, запечатанный воском с гербом Дома Хеллвейн. Бросив быстрый взгляд на герцога и получив в ответ молчаливое согласие, он развернул пергамент и начал читать вслух:

— По воле Его Светлости, герцога Рэйгона Хеллвейна, Дом Хеллвейн официально выдвигает брачное предложение леди Ярнаре Риндаль.

Слова прозвучали ударом грома среди ясного неба. Ярнара с трудом могла поверить в то, что не ослышалась.

Несколько долгих секунд никто не реагировал, осмысливая зачитанный указ. Воздух в коридоре сгустился от напряжения, в этой звенящей паузе таилась вся неопределенность их дальнейших судеб.

Барон Бьярндун Риндаль моргнул, мир словно выскользнул у него из-под ног. Губы приоткрылись в безмолвном изумлении, но с них не сорвалось ни единого звука. У Сигрид схлынула вся краска с лица, сделав его болезненно бледным.

Ярнара осмелилась посмотреть на герцога, который не удостоил ее своим вниманием даже на долю секунды. Он стоял неподвижно и не произносил ни слова. Все происходящее было лишь тенью чужой воли, вращающейся вокруг него, как вокруг единственного центра притяжения.

— Д-д-д-должно быть, з-з-з-здесь произошло какое-то чудов-в-в-вищное недоразумение, — первым нарушил оцепенение заикающийся лорд Йосом, шагнув вперед с отчаянной и в некоторой степени глупой решимостью. — Дом Р-р-р-р-риндаль всего лишь мои вассалы. Если Дом Хеллвейн ищет союза с Йосомами, у меня есть дочь…

Капитан резко обернулся к нему:

— Как вы можете ставить под сомнение волю Его Светлости, герцога Хеллвейна? Как смеете вы предполагать, будто его намерения подлежат дальнейшему обсуждению?

Лорд Йосом поспешно склонился в глубоком поклоне и постарался скрыть новую волну дрожи в голосе:

— Простите, капитан! Примите мои искренние извинения, Ваша Светлость, герцог Хеллвейн! Я не хотел вас оскорбить и не имел в виду ничего подобного…

Взгляд капитана еще на мгновение задержался на нем, будто отмерял всю глубину проявления внезапной ничтожности. Лорд Йосом, спотыкаясь, попятился назад. Он продолжал кланяться, пока лицо пылало от испытуемого унижения.

Коридор вновь погрузился в тяжелую тишину, нарушаемую лишь глухим, ровным гудением корабельных систем. Все взгляды, полные напряженного ожидания, снова обратились к Хеллвейнам.

Ярнара ощущала себя скромной зрительницей театральной сцены, но никак не участницей развернувшегося представления. Ее тело похолодело и застыло, как каменное изваяние. Герцог казался выше, чем во дворце на арене и в бальной зале. Его молчаливое и хмурое присутствие давило сильнее, чем все изысканные императорские залы разом.

Капитан откашлялся и продолжил зачитывать, будто ничего не произошло:

— Леди Ярнара Риндаль, вы призываетесь явиться на формальную брачную церемонию, которая состоится… Немедленно.

Со стороны Йосомов раздался недоверчивый вздох.

Барон Бьярндун Риндаль нашел в себе силы шагнуть вперед. Голос его звучал глухо и отчаянно:

— Ваша Светлость, — он низко поклонился, обращаясь уже не к капитану, а к самому Рэйгону Хеллвейну. — Подобное решение требует некоторого обсуждения. Времени на обдумывание, согласование условий…

Холодный и бесстрастный взгляд Рэйгона скользнул по нему. Слова застыли у Бьярндуна в горле. Герцог так и не заговорил, за него вновь ответил капитан:

— Барон Риндаль, вы неверно понимаете ситуацию. Это не предложение, открытое для переговоров. Это декларация намерения Дома Хеллвейн. И она будет приведена в исполнение без промедлений. Любая задержка будет расценена как сопротивление воле герцога. А это не вариант ни для кого на этом корабле.

Плечи Бьярндуна обессиленно опустились, губы сжались в тонкую линию. Но прежде чем он успел собраться с силами и сказать что-то еще, в диалог вступила Сигрид:

— Нет! Нет, вы не можете! — хрипло выкрикнула она, прорываясь вперед из машинально схвативших ее рук мужа в настоящей истерике. — Она еще ребенок! Она никогда этого не хотела… Это была формальность, обычай, ее не должны были выбирать! Вы не понимаете, она не готова! Она не создана для этого!

Слезы текли по ее лицу, пока она трепыхалась в руках Бьярндуна и тянулась к Ярнаре, словно хотела закрыть ее собой, спрятать и больше никому никогда не показывать.

Капитан даже не моргнул:

— Ваша дочь добровольно участвовала в брачном рынке. Согласно законам Империи, все кандидатки отдали себя на суд герцога. Он сделал свой выбор. Его нельзя обжаловать.

Сигрид, задыхаясь от отчаяния, повернулась к мужу с немой просьбой о помощи, но тот лишь покачал головой, пустым взглядом уставившись в никуда.

Они ничем не могли помочь дочери в этой ситуации. Ни тогда, когда перед ними стоял Дом Хеллвейнов с уже подписанным указом.

Ярнара пыталась сдержать слезы и не упасть на пол, когда ноги подкосились, а Искрец в ее руках нервно заворочался, желая опуститься вниз по своим собачьим делам.

Она не падет, не заплачет и не позволит страху сломать ее здесь, на глазах у всех. Она выдержит!

Барон Бьярндун Риндаль, собрав в кулак последние крохи достоинства и мужества, вновь сделал шаг вперед:

— Капитан… — теперь он даже не пытался обратиться к Рэйгону Хеллвейну, который все это время стоял так, будто происходящее его вовсе не касалось. — Я понимаю, мы малый Дом… Но мы все же благородные люди Империи! Моя дочь заслуживает должной церемонии. К чему такая спешка? Разве нельзя дать нам время на официальную подготовку, соответствующую ее положению?

На этот раз голос капитана неожиданно смягчился:

— Вам не о чем беспокоиться, милорд. Церемония состоится со всеми почестями и в соответствии с обычаями Дома Хеллвейн, а также законами Империи. Ваша дочь получит титул герцогини Хеллвейн. Тот ранг и престиж, которые ей предлагаются... — капитанский взгляд скользнул по притихшим людям. — Беспрецедентны для Дома вашего уровня.

В этих словах не было насмешки, лишь констатация факта.

Сигрид Риндаль издала тихий, надломленный всхлип и уткнулась в грудь мужа. Аргументы иссякли.

Внутри у Ярнары, которая стояла в стороне и просто слушала разговоры взрослых, бушевал страх, протест и злость, но она заставляла эти эмоции отступить. С детства ей внушали, что она — лицо своего Дома и гордо несет его имя, а не представляет собственную судьбу.

Даже сейчас.

Особенно — сейчас.

Ярнара вдохнула побольше воздуха в легкие, погладила Искреца по спине и расправила плечи. Ее тихий голос прозвучал неожиданно спокойно и ровно:

— Тогда… Пусть будет так.

Впервые за все время взгляд Рэйгона Хеллвейна едва заметно изменился. Он повернул голову и посмотрел на Ярнару, но без жестокости или намеков на тепло при виде испуганной девушки с собачкой на руках. В нем сквозила холодная и точная уверенность — это не ошибка. Так должно быть.

Главный зал корабля Дома Йосом в спешке превратили в место для проведения брачной церемонии. У центрального иллюминатора установили небольшой импровизированный алтарь. Знамена Йосомов поспешно сняли, заменив их черно-серебряными полотнищами Дома Хеллвейн. Серебряный ястреб хищно поблескивал в холодном свете ламп, явно выбиваясь из общей картины.

Слуги, бледные и напряженные, раскладывали ткань и выставляли положенные символы, цветы. По древнему закону ритуал был прост, но от этого требовал не менее тщательной подготовки.

Прибыл жрец Дома Хеллвейн в формальных одеждах. В руках он держал брачный контракт, уже запечатанный гербом с ястребом.

На этой внезапной церемонии не было ни нарядных гостей, ни приятной музыки, ни счастливых родственников, умиленно утирающих слезы счастья в уголках глаз. Лишь ровный гул двигателей, глухой стук сапог по металлу и сумасшедший пульс Ярнары, громыхающий в груди и висках.

Рэйгон уже ждал невесту по одну сторону импровизированного алтаря. Ярнару к нему подвел отец с покрасневшим от пережитого шока лицом. Перед тем, как оставить дочь у алтаря, он наклонился к ней и прошептал:

— Будь сильной, маленькая. Ты представляешь всех нас.

Ярнара не смогла вымолвить хоть какой-то ответ, поэтому просто кивнула.

На саму церемонию ушло не больше четверти часа, что совсем не подходило такому торжественному событию.

Руки Ярнары слегка дрожали, когда жрец протянул ей контракт, на котором уже было вписано ее имя. Рядом с ним оставалась одна пустая строка.

В сознании промелькнули тысячи возможных будущих жизней. Варианты Ярнары, которыми она уже никогда не станет, и выборов, которые ей не суждено будет сделать.

Ярнара протянула руку к стилусу и поставила свою маленькую аккуратную подпись.

Жрец произнес завершающие слова:

— Перед лицом Империи, кровью ваших Домов и по древним законам — отныне вы соединены браком! Да продлится ваш род! Да окрепнет ваш Дом! Да будут ваши имена сохранены в памяти!

Глава 8

Герцогиня Ярнара Хеллвейн.

Этот титул был ей чужим — он будто стирал собственное “я”.

Когда жрец закончил произносить почетные слова, Рэйгон наконец повернулся к ней и подал руку — жест безупречной вежливости и не более того. Ярнаре пришлось вложить в его протянутую ладонь свою. Соприкосновение кожи получилось холодным и неприятным.

Они отправлялись сразу: им не дали времени ни на прощания, ни на объятия, ни на слова утешения. Когда их провожали к трапу корабля Дома Хеллвейн, Мойрана, вся в слезах, выскочила навстречу, прижимая к груди маленький белый комок шерсти:

— Ярнара, подожди, а как же Искрец?!

Как она могла забыть о своем любимце?.. Ярнара ахнула и потянулась к собаке, но капитан стражи Хеллвейнов сразу же шагнул вперед, преграждая дальнейший путь по трапу:

— Животные не допускаются на борт корабля без надлежащего медосмотра. Риск заражения…

Искрец жалобно заскулил, когда над ними навис большой, суровый человек — его внезапное появление испугало собаку. Маленькое дрожащее тельце вжималось в Ярнару, будто он чувствовал, что их пытаются разлучить.

Ярнара подняла вверх полный отчаяния взгляд и, наткнувшись на лицо Рэйгона, отшатнулась назад.

Рэйгон не испытывал к этой сцене ни жалости, ни тепла, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. Он поднял руку и, поразмыслив пару секунд — для Ярнары они показались пугающей вечностью — остановил капитана:

— Собака летит с нами, — это были первые слова, которые он произнес с момента своего внезапного появления на корабле Йосомов. — Оформить.

Капитан без единого возражения коротко поклонился.

Ярнара обняла Искреца крепче и поднялась на борт, чувствуя под ладонями его частые удары сердца — единственное знакомое тепло в мире, который внезапно стал чужим. Вся родня осталась позади, молча провожая ее удаляющуюся фигуру взглядом.

Как только они вошли внутрь, Ярнару никак по-особому не встретили и не поприветствовали: молча и без объяснений указали на свободное кресло у обзорного окна.

Ярнара боялась отпускать от себя собаку и покорно сидела на месте, слушая, как где-то неподалеку Рэйгон отдает четкие приказы:

— Поднять внешний щит. Усилить кормовую броню, перебросить резервную мощность на оружейную сетку. Наружную связь закрыть до входа в пространство, контролируемое Хеллвейнами. Никаких открытых каналов. Предостерегаемся удара Императора до прыжка.

Незнакомые военные термины пролетали мимо Ярнары, но по тону она понимала главное: это был мир приказов и угроз, а не балов и улыбок. Офицеры отвечали короткими “да, Ваша Светлость”, и по металлу прокатывался стук их шагов.

Ярнаре казалось, будто за один вечер она стала участницей чужой реальности, построенной на стали, дисциплине и опасности.

Где-то в глубине корабля, с мостика, донесся предупреждающий голос:

— Варп-маршрут до Хеллвейна рассчитан. Пять минут до прыжка. Примерное время — три часа.

Хеллвейн. Столица ее нового Дома, который она никогда не видела и не собиралась увидеть, если бы не… Внезапное замужество.

Ярнара повернулась к стеклу, за которым корабль Дома Йосом уже уменьшался и превращался в россыпь тусклых огней, растворяющихся в темноте космоса. Там остался ее дом, семья и ее прошлое. Все из-за решения, которое она даже не принимала.

Искрец обеспокоенно закрутился на коленях, нервно виляя хвостиком.

— Мы справимся, дорогой, — прошептала Ярнара дрожащим голосом. — Мы справимся…

С мостика отчитались снова:

— Координаты зафиксированы. Варп-прыжок готов. Ожидаем приказ, Ваша Светлость.

— Ждать, — отозвался Рэйгон.

Ярнара сжалась в кресле, услышав приближающиеся шаги. Подняла голову и увидела герцога, остановившегося рядом. Искрец тихо рыкнул, но Рэйгон и бровью не повел, никак не отреагировав на это проявление недоверия со стороны маленькой собаки.

— Ты уже летала в варп-пространстве?

— Нет, — Ярнара покачала головой. — Никогда.

— В первый раз это может быть тяжело. Не пугайся тошноты, давления и ощущения, будто голова… — Рэйгон замолчал, подбирая слово. — Взрывается. Это быстро проходит.

Ярнара в ярких красках представила описанные ощущения и забеспокоилась еще больше, но не за себя, а за Искреца, который не подозревал, что ждало их с минуты на минуту.

Рэйгон задержался рядом еще на пару секунд, затем отошел к пульту и отдал приказ:

— Прыжок.

Ярнара медленно выдохнула, пальцами поглаживая шерсть пса, и прижалась лбом к стеклу. Звезды за ним начали медленно смещаться.

Свет в кабине чуть приглушили. Монотонный гул корабля углубился и стал насыщеннее, будто набирая обороты перед рывком. За глазами появилось странное, неприятное чувство. Искрец тоже заволновался. Желудок ожидаемо скрутило. Звезды за иллюминатором не вытянулись в полосы — они словно раскололись на осколки и замерли.

Искрец тихо заскулил. Ярнара крепче прижала его к себе и зашептала бессвязные слова, в которые сама верила с трудом. В ушах хлопнуло, а головокружение накрыло так резко, что на миг Ярнаре показалось: сейчас она потеряет сознание.

Рэйгон краем глаза заметил ее состояние и отдал капитану новый тихий приказ. Сам же он практически не чувствовал никаких изменений — привык за годы совершенных с юности прыжков.

В системах корабля что-то изменилось: давление в кабине слегка снизилось, жесткая хватка вокруг груди ослабла. Тошнота отступила настолько, что стало возможным сделать ровный вдох.

Ярнара не поблагодарила Рэйгона за это, просто выпрямила спину и снова уставилась вперед.

Она не собиралась ломаться так быстро.

***

Вскоре начинался спуск к Хеллвейну. Когда корабль прорвал плотный слой облаков, Ярнара впервые увидела этот мир: темные горы, утопающие в туманах, обледенелые склоны, серое и неспокойное море. Вдали — вырастающая из скал огромная черная крепость.

Этот вид кардинально отличался от Хольмгарда. И он уже ей не очень нравился.

Посадка прошла мягко. Ярнара не двинулась с места, все так же сидя у иллюминатора с Искрецом, свернувшимся клубочком у нее на коленях. Она не знала, что делать, как себя вести, ждали ли от нее вообще чего-то?.. Каких-то особых действий или слов? Мысли роились в черепной коробке, как пчелы в улье.

Послышались шаги. К Ярнаре подошел пожилой мужчина в ливрее Хеллвейнов и низко поклонился:

— Ваша Светлость…

Он бережно накинул на ее худые плечи теплый серый плащ с мягким подкладом и вышитым серебристым ястребом. Взгляд снова и снова цеплялся за эту птицу – она будто преследовала Ярнару, как хищник свою добычу.

Ваша Светлость.

Звучало до безумия непривычно от людей, которые не являлись слугами в ее родном доме.

Ярнара медленно поднялась, не выпуская Искреца. Трап снаружи уже опускался, внутрь корабля сразу же хлынул холодный соленый воздух. Рэйгон шагал впереди, его черный плащ развевался на ветру.

Ярнара осторожно следовала за ним, держась за поручень. Внизу их уже ждали члены семьи Хеллвейн. Офицеры, советники, родня — все в черном и грозовом сером, цветах Дома. Их лица были спокойными и серьезными, никаких радостных улыбок и протянутых для знакомства рук.

Чуть в стороне стояла леди Юстина Хеллвейн — младшая сестра Рэйгона, в длинном и строгом платье, с собранными в тяжелую косу светлыми волосами. Рядом с ней — ее дочь, леди Элендра Хеллвейн. Молодая, красивая и уже со знакомым колким взглядом, она смотрела на Ярнару оценивающе и неприветливо.

Рэйгон остановился перед ними и легким движением руки подозвал Ярнару встать рядом. Она шагнула к нему почти бесшумно.

— Это Ярнара Риндаль из Дома Риндаль. Отныне — герцогиня Хеллвейн. Избрана моей волей, в согласии с законами Империи и условиями контракта. Она находится под моей защитой. С этого дня она принадлежит этому дому.

Несколько офицеров коротко склонили головы.

Юстина выступила вперед, ее реверанс был безупречен в исполнении — достаточно глубок, чтобы соответствовать протоколу, и слишком выверен, чтобы в нем можно было почувствовать хоть тень искренности. Взгляд скользнул по Ярнаре и тут же ушел в сторону — задержаться на ней значило бы признать ее присутствие.

Элендра опустилась в поклоне с заметным опозданием, движение вышло сухим и почти механическим. Губы дрогнули, будто она хотела что-то сказать, но в последний миг передумала.

— Военный совет через пятнадцать минут. Полный доклад, — скомандовал Рэйгон, когда женщины закончили обмениваться любезностями.

Офицеры и советники ответили короткими кивками. Строй развернулся и почти мгновенно растаял в сумраке коридоров крепости

Рэйгон не стал ничего объяснять. Очередным кивком он указал Ярнаре следовать за ним — и она пошла, стараясь держать спину прямо, не дать коленям предательски подогнуться, не выдать, как сильно она переживала из-за своего внезапного замужества и появления на Хеллвейне.

Ярнара переступила порог крепости — и официально оказалась в той жизни, которую отныне должна была называть своей.

Подготовленные для нее покои отличались простором и сдержанной строгостью: стены из темного камня, высокие окна, за которыми открывался вид на серое море и скалы, треск огня в камине. Мебели тоже было не много: несколько предметов из старого потемневшего дерева безо всякой вычурной резьбы и украшений.

Ярнара замерла посреди комнаты, пес у нее на руках дрожал мелкой дрожью, уши подрагивали при каждом новом звуке.

Слуги Хеллвейнов — а теперь и ее собственные — молча внесли вещи — те немногие, что успели собрать наспех на борту корабля Йосомов. Все ее прошлое уместилось в сложен-

ную шаль, старую расческу с обломанным зубцом и небольшую сумку с горстью мелочей из прежнего дома.

Рэйгон подождал, пока слуги закончат, и указал им на выход:

— Оставьте нас.

И все тут же испарились за закрывшейся дверью. Ярнара отпрянула, когда Рэйгон шагнул в ее сторону — она ничего не могла с собой поделать, ведь этот человек не предназначался ей. Она не должна стоять в этой комнате и даже поднимать взгляд на Железного Герцога! Или вести с ним светские беседы…

— Ты этого не выбирала, — Рэйгон нахмурился и остановился, словно боялся смутить Ярнару своим внезапным проявлением человечности. Или своей близостью. — И я не дал тебе ни минуты, чтобы приготовиться. Я это понимаю…

Мысленно Ярнара была с ним согласна — она не готовилась к этому. И уж тем более никогда не воображала, что станет женой самого Рэйгона Хеллвейна на борту корабля Йосомов!

— Со временем ты поймешь, почему все произошло именно так, почему иначе было нельзя, — продолжил Рэйгон, глядя ей прямо в глаза. — Теперь ты моя жена — этот титул имеет вес. Я не собираюсь притворяться, что все иначе. Но я не притронусь к тебе, пока ты сама этого не захочешь. Пока ты не будешь готова.

Ярнара осмелилась взглянуть на Рэйгона, который разговаривал с ней не как жених, а как… Командир. Он даже стоял прямо, держа руки за спиной, как на плацу.

Он не предлагал любви. Не обещал близости.

Рэйгон дал ей немного свободы, в которой, как ни странно, мелькнул крошечный огонек надежды — он хотя бы не будет ломать ее сразу. Герцог обвел ладонью комнату в подтверждении своих следующих слов:

— Здесь ты в безопасности. Никто не переступит порог без твоего согласия. Можешь отдыхать и просить все, что тебе нужно.

Он уже повернулся к двери, чтобы оставить Ярнару одну, как вдруг замер. Плечи чуть напряглись, внутри него боролись два желания: немедленно уйти или все же сказать что-то еще.

Но Рэйгон выбрал первый вариант.

Глава 9

Алая бархатная портьера в личных покоях Императора была отодвинута, пропуская яркий утренний свет на отполированный мраморный пол, где выстроились статуи прошлых правителей.

Император Арданис Ратрак, семьдесят одного года от роду, владыка Известных Систем, сидел в высоком кресле из темного дерева с небрежно накинутым на плечи шелковым халатом. Он держал в руке чашку с горячим травяным настоем и неторопливо просматривал утренние сводки. По долгу службы он привык узнавать новости одним из первых.

Однако этим утром дверь в его покои распахнулась слишком внезапно и громко. Личный камердинер дернулся и поспешно отступил в сторону, пропуская вошедшего внутрь.

— Ваше Сияющее Величество! — бесцеремонно нарушившим спокойствие этого утра оказался Варин Сол — Командующий имперской разведкой. — Прошу простить столь бестактное появление.... Прибыли новости с Хеллвейна.

Арданис, не поднимая взгляда, медленно отпил из чашки.

— В чем дело? — спокойно спросил он. — Рэйгон наконец-то выбрал себе невесту?

— Жену, — мрачно сказал Варин. — Он, похоже, уже женился. Дом Хеллвейн только что разослал официальный пресс-релиз.

Император опустил чашку дрогнувшей рукой на блюдце и поднял голову к Командующему.

— На ком?

— Ярнара Риндаль. Мелкий дворянский Дом, вассалы вассалов.

— Риндаль, — повторил император, будто пробовал это пустое, ни о чем не говорящее имя на вкус.

— Она была добавлена в список в последний момент, Ваше Величество. И…

— И?

— В ее брачном контракте не было пункта о наследовании. Того самого, который мы включили во все остальные.

— Ты хочешь мне сказать... Что Рэйгон выкрутился из этой ситуации?

Варин склонил голову, принимая поражение:

— Мы… Упустили ее.

Пальцы Императора сжались на подлокотнике кресла до побеления костяшек.

— Упустили, значит, — повторил он с усмешкой. — Шесть лет подготовок, а он так просто выскальзывает из наших рук? Он должен был жениться на Миэлин и согнуться пред нашей волей! Таков был расклад!

Арданис резко отвернулся к окну, размышляя вслух.

— Теперь он запрет ее в крепости. Будет держать за флотом и планетарными щитами. А остальные Дома будут смотреть и ждать, поднимется ли он.

Варин помедлил с ответом, осторожно подбирая слова:

— Ваше Величество, остальные Дома могут отреагировать негативно. Они отдали своих дочерей на брачный рынок, а он выбрал жену столь ничтожного происхождения… Им это не понравится. Они могут счесть это за оскорбление. Такой шаг не принесет ему ни поддержки, ни популярности.

— Они могут быть недовольны. Но закон есть закон, — император нервно постучал пальцами по подлокотнику и нахмурился. — Он следовал традициям, выбрал кандидатку, как был обязан. Именно так он это и преподнесет. Одобряют они или нет — значения не имеет.

Кулаки императора непроизвольно сжались, а лицо исказилось в неподдельной ярости.

— Ты прекрасно знаешь, Рэйгон, — прошипел он себе под нос, глядя на географическую голограмму, где мигал Дом Хеллвейнов. — Я этого так не оставлю. А тот, кто допустил этот провал — контракт, девчонку, отсутствующий пункт о наследовании… Убери его, Варин! Навсегда.

— Уже убран, Ваше Величество.

— У тебя нет права на еще одну ошибку, Варин… Ты будешь наблюдать за ним и за каждым его шагом. Тихо и внимательно.

— Да, Ваше Величество…

***

Балдахин над императорским ложем мерцал искусственными звездами, заливая комнату холодным голубоватым светом. Поднос с нетронутым экзотическим завтраком остывал у окна.

Принцесса Миэлин, закутанная в свободный халат из алого шелка, лежала поперек своей широкой кровати. Экран в ее руках отбрасывал на лицо дрожащие блики.

Весть пришла ранним утром — это был официальный релиз от Дома Хеллвейн.

Сначала она просмотрела его один раз.

Потом второй.

Потом — третий. Но все никак не могла в это поверить.

Рэйгон Хеллвейн стоял в парадном мундире, как всегда — собранный и недосягаемый. Его рука спокойно лежала на плече девушки — нет, почти ребенка. Темноволосой, с огромными, потерянными глазами, бледной, в строгом белом наряде герцогини Хеллвейн.

Под фотографией значилось имя:

“Герцогиня Ярнара Хеллвейн (в девичестве Риндаль)”.

Экран выпал из пальцев Миэлин на покрывало.

Ярнара…

Это имя ей ничем не отзывалось. Миэлин перебрала в памяти лица — бесконечную вереницу кандидаток брачного рынка, их улыбки, их родословные, их тщательно отрепетированные взгляды — и ничего. Ни одной узнаваемой черты. Ни одного упоминания. Словно эта девушка никогда не существовала до сегодняшнего утра.

— Нет, — прошептала она, бросив на экран еще один короткий взгляд. Фотография никуда не исчезла. — Это… Это ошибка.

Пальцы Миэлин сжались на бархатном покрывале.

Рэйгон не произносил слов предложения. Между ними не было ни клятв, ни официальных контрактов. Но все знали: и двор, и Великие Дома. Она знала!

Помолвка не объявлялась вслух — и все же она существовала. Миэлин — дочь императора, а Рэйгон — единственный мужчина, кто мог стоять рядом с ней, не опуская головы, достаточно сильный и властный. Он должен был стать ее!

А теперь — вот это?

— Деревенская девчонка, — ядовито прошипела Миэлин. — Кто ты вообще такая, чтобы…

Экран снова вспыхнул под ее пальцами. Она приблизила изображение на лице Ярнары — испуганном, растерянном, почти детском. Девушка стояла рядом с Рэйгоном, словно маленькая белая птичка, случайно попавшая в тень огромного хищника.

Губы Миэлин тронула холодная усмешка.

— Она боится! И правильно делает. Пусть боится.

Ей не понадобился эскорт. Босиком, все еще одетая в один халат, она наплевала на приличия и пронеслась по коридорам дворца прямиком к покоям отца. Стража расступилась мгновенно, распахивая перед ней тяжелые двери.

Арданис Ратрак приподнял бровь, едва она переступила порог.

— Миэлин, ты выглядишь неважно.

— Он женился на другой! — несдержанно выдохнула Миэлин срывающимся голосом без подобающих приветствий. — На какой-то никому не известной девчонке! На мелкой дворянке… Тайно! Почему ты его не остановил?

Император медленно поднялся, заложил руки за спину и подошел ближе к дочери.

— Ты расстроена?

— Ты говорил, что он выберет меня, — выплюнула Миэлин с детской обидой. — Все говорили. У нас была договоренность!

— Он делал тебе предложение? — мягко уточнил Арданис.

— Нет, но…

— Он произносил это вслух?

Миэлин открыла рот — и тут же закрыла. Моргнула, словно только сейчас до нее дошел весь смысл происходящего.

— Ты правда верила, что была единственной для него? — император смотрел на нее без осуждения, но с явной усталостью. — Он использовал тебя, дочь. Так же, как использовал и меня.

— Нет, — Миэлин судорожно мотнула головой. — Он не такой! Он честный, он…

— Он использовал меня, — перебил Арданис жестко и настойчиво. — Изображал верность. А когда я открыл перед ним все двери — предложил ему свою дочь, мир, будущее — он ударил в спину.

У Миэлин перехватило дыхание.

— Зачем ему это?..

— Ему всегда было мало. Ему не нужны ни мир, ни ты. Ему нужна власть. И моя корона, — император положил ладонь на дрогнувшее плечо Миэлин. — Он никогда не любил тебя, дочь.

Эти слова, жесткие в своей правде, заставили внутри что-то хрустнуть.

Часть ее еще цеплялась за образ мужчины, который смотрел на нее, словно на будущее. Другая — та, что выросла среди дворцовых интриг и титулов — уже начинала твердеть и превращаться в камень.

И эта часть шептала: “Тогда заставь его пожалеть”.

— Миэлин…

— Он насмехается надо мной. Над тобой! — она резко вскинула руку, указывая на проекцию. — Выставляет свою крестьянку перед всей Империей, словно она рождена править. Ты понимаешь, что это значит?

Щеки ее пылали, дыхание сбивалось.

— Скоро она будет носить его ребенка, — прошипела Миэлин. — Эта грязная девчонка... Это дрожащее ничтожество! Она будет беременна его наследником — тем, которого должна была выносить я!

Она с обезумевшим взглядом шагнула ближе к императору, заявляя без тени сомнений:

— Я хочу, чтобы она умерла.

— Правда? — на губах Арданиса появилась холодная усмешка.

— Да. Отправь Дейштарров.

Дейштарры — это тень Империи и живое оружие, выращенное с детства для одной цели. Их мастерство было отточено до совершенства, а имена произносили шепотом, посылая на задания, требующие максимальной жестокости, скрытности и точности. Полумиф, полуправда. И подчинялись они только императору.

Арданис внимательно смотрел на дочь — на ее пылающие щеки, на сжатые губы, на глаза, в которых уже не было слез, только яростная решимость.

— Ты можешь ненавидеть эту девчонку, Миэлин. Но ты не будешь учить меня, как вести войну, — произнес он почти ласково. — Если мы ударим прямо сейчас, Дома не оставят без внимания этот отчаянный и глупый поступок.

Он говорил терпеливо и так, будто объяснял очевидное ребенку:

— Для них она — никто. И ни в чем не виновата. Если я убью ее сейчас, они сплотятся вокруг Хеллвейнов быстрее, чем мы успеем моргнуть. Поэтому мы подождем. Пусть она понесет его наследника. Когда Дома увидят, что там зарождается новая династия — вот тогда она исчезнет.

Император лениво махнул рукой в воздухе:

— Без лишнего шума и следов к нашему дому. А когда ее не станет, мы напомним Империи, где ее истинная кровь, — Арданис вернулся за свой стол и откинулся на спинку стула. Разговор был закрыт. — Ты получишь свою месть, дочь. Но не сегодня.

В горле у Миэлин что-то дернулось, внутри кипела и требовала выхода злость, но она заставила себя опустить голову и чуть поклониться:

— Как скажешь, отец.

Глава 10

Стены крепости Хеллвейн удерживали за своими бастионами с одинаковым успехом не только врагов, но и тепло.

Высокие своды, бесконечные коридоры, окна, впускающие свет, но не добавляющие ни уюта, ни покоя — архитектура поражала масштабами и внушала уважение, но не способствовала созданию более приятной атмосферы. И Ярнара все еще чувствовала себя в этой конструкции чужим, слишком мягким, случайным фрагментом.

Первые две недели пролетели как в тумане.

Еду приносили в комнату молча. Слуги двигались почти бесшумно, кланялись, старательно не задерживая взглядов на ее лице. Простые платья, которые Ярнара привезла с собой, забрали и больше не вернули. Взамен оставили наряды, о которых она и мечтать бы не посмела.

Новые одежды шили из тонкого шелка и высококачественной шерсти, они отличались от ее старых нарядов кроем и сложной вышивкой. Цвета тоже в основном были глубокие и насыщенные: сапфировые, черные, серебряные. Ничего нежного и воздушного, такого, к чему она привыкла.

Украшения — несомненно драгоценные, но не изящные. Ярнаре выделили тяжелое темное колье, которое неприятно ощущалось на шее при каждом движении, брошь в виде ястреба Хеллвейнов с расправленными крыльями, вырезанную из цельного куска штормового камня, а также браслеты и перстни из кованого металла — старинные, в цене которых не приходилось сомневаться, но… Не то.

Больше никакого жемчуга, лент и теплых оттенков. Когда Ярнара подходила к зеркалу, ей тут же хотелось отвернуться. Новые платья были великолепными и тяжелыми, украшения — еще более массивными. Ярнара даже не решалась примерять большую часть того, что ей оставили: казалось, все это создано для кого угодно, только не для нее. Собственное отражение она почти не узнавала.

С Рэйгоном за все это время она увиделась лишь однажды, да и то — случайно. Он шел по коридору вместе с военными советниками, когда они разминулись. Легкий кивок — и он исчез за поворотом.

Посыл был очевиден: он давал ей время. Но не более.

Даже в общих пространствах — малых библиотеках, внутренних двориках — стихали разговоры, стоило Ярнаре войти. Фразы обрывались на полуслове. Взгляды оценивающе скользили по ней и тут же отводились в сторону.

Ярнара не Миэлин, а это значило, что она для всех этих людей — никто.

— Слишком мягкая, — однажды прошептала женщина своей собеседнице, проходя мимо. — Как она будет носить наследника Хеллвейнов?

— Ошибка. И очень дорогая.

— Наши враги, должно быть, в восторге.

Ярнара никак не реагировала на эти перешептывания за своей спиной, просто шла дальше. Ей приходилось держать голову гордо поднятой, даже когда все внутри сжималось в тугой болезненный комок.

Однажды утром она сидела в одной из внутренних оранжерей — узком дворике с вечнозелеными деревьями и черными каменными скамьями. Искрец играл неподалеку.

Ярнара подняла голову к запотевшему стеклянному потолку. От ее дыхания в прохладном воздухе поднимались крошечные облачка. Хоть это место и отличалось от садов на Хольмгарде, проводить время здесь было приятнее, чем взаперти в своей безликой комнате.

Ярнара машинально сжалась, когда услышала быстрые шаги, и обернулась. У края дорожки стояла девочка лет семнадцати. Плащ был ей чуть великоват, из туго заплетенной

косы выбивались непослушные кудри. Глаза у нее были ясными, цепкими и живыми, что кардинально отличало ее от других жителей крепости.

— Вы — герцогиня, правда? — спросила она, на что Ярнара осторожно кивнула.

Девочка улыбнулась настоящей, непритворной улыбкой и без колебаний опустилась на скамью, затараторив:

— Я леди Айлиз Хеллвейн-Рел. Моя мать — леди Юстина. Но меня можно звать просто Айлиз.

Глаза Ярнары распахнулись шире. Еще одна дочь леди Юстины… Значит, она младшая племянница Рэйгона. Не в силах сдержать любопытство, Ярнара вновь аккуратно взглянула на девушку.

В Айлиз, несмотря на юный возраст, уже проступала та гордая осанка и точность движений, что отличала всех Хеллвейнов. Она сидела рядом с едва знакомой женщиной так уверенно и спокойно, словно они знали друг друга годы. Но ее взгляд… Взгляд был гораздо мягче — теплым, янтарным, с живыми искорками.

Ярнара не ожидала, что встретит здесь кого-то, кто посмотрит на нее без настороженности или скрытого расчета. И уж точно — проявления доброты от носителя фамилии Хеллвейн.

Искрец, обежав вокруг, принюхался к девочке и тут же потянулся к ней всем телом. Айлиз, не раздумывая, наклонилась и ласково почесала его за ухом:

— Обожаю собак! Тебе повезло, что дядя позволил оставить его. Он обычно терпеть не может беспорядок.

— Правда?

— Ага, — бодро подтвердила Айлиз. — Но ты же теперь его жена. Значит, для тебя он сделал исключение.

Она замолчала на мгновение, оглянулась по сторонам — быстро, по-детски осторожно — и добавила уже тише:

— Ты выглядела такой грустной. Я подумала… Может, тебе нужна компания.

В груди Ярнары впервые за долгое время стало чуть теплее, она даже позволила себе едва заметно улыбнуться:

— Спасибо.

Искрец уже беззаботно растянулся у Айлиз на коленях, довольно подрагивая лапами, пока та продолжала его гладить. Ярнара смотрела на светловолосую голову, склонившуюся к псу, на тонкие пальцы, уверенно и нежно перебирающие шерсть, и впервые подумала, что, возможно, не все здесь такие… Холодные и отстраненные.

— Тебе здесь не нравится, — вдруг произнесла Айлиз, что прозвучало не как вопрос, а как тихое, заранее известное им обеим утверждение. Ярнара тактично выпрямилась и попыталась ответить с максимальной вежливостью:

— Нет, я… То есть… Я бы не сказала, что мне не нравится. Просто… Непривычно. И немного холодно, наверное…

Айлиз фыркнула и отмахнулась.

— Можешь не стараться быть вежливой. Я прекрасно знаю, каким жутким кажется это место на первый взгляд.

Ярнара, не ожидавшая такой прямоты, растерянно моргнула. Айлиз продолжила, глядя куда-то в сторону, без тени жалости или драматизма:

— Элендра, моя сестра, уже который год мечтает отсюда сбежать. Она обручена с Сорином Розалем, наследником Дома Розаль. Свадьба через год, половина ее сундуков уже собрана.

Ярнара не успела придумать ответ. Айлиз посмотрела через сад в ту сторону, где за крепостью угадывались бесконечная водная гладь и резкие линии скал. Взгляд ее потеплел и стал задумчивым.

— Но… Здесь тоже есть своя красота. Когда солнце вдруг пробивается сквозь тучи и ложится на волны, море на пару минут становится золотым. Утром воздух свежий и чистый, идет прямиком с гор. А в городе на рассвете, когда открываются первые лавки… Там пахнет дымом, специями и свежим хлебом.

Она повернулась к Ярнаре с уже более серьезной улыбкой:

— Может быть, однажды и ты найдешь здесь что-то свое.

Слова Айлиз, произнесенные с такой уверенностью, заставили Ярнару задуматься. Сможет ли она когда-нибудь назвать это место домом? Привыкнуть к их холоду и молчаливой тяжести? Ответа пока не было — только смутное, далекое предчувствие, что время сумеет ответить за нее.

От размышлений Ярнару отвлек звонкий смех, эхом отразившийся от стен.

— А вот семья у меня ужасная!

Ярнара невольно приподняла бровь.

— Ну… Не вся, — поправилась Айлиз. — Но большая часть. Холодные, замкнутые, молчаливые — классические Хеллвейны. Дядя тоже такой, но ему тяжелее всех... Быть главой Дома Хеллвейн — удовольствие ниже среднего! Он, конечно, разговаривает с людьми так, будто они ходячие военные отчеты, а не живые существа, но он не жестокий.

Айлиз быстро скосила на Ярнару внимательный взгляд.

— Ты его боишься?

Щеки мгновенно вспыхнули.

— Я… Ну…

— Это нормально. Его почти все боятся, — Айлиз довольно усмехнулась.

Ярнара опустила глаза, помолчала, собираясь с духом, и наконец едва слышно призналась:

— Я слышала… Что он пьет кровь животных, чтобы оставаться сильным.

Айлиз на секунду замерла, а потом громко расхохоталась, запрокинув голову. Казалось, даже воздух вокруг них стал чуть теплее от такого искреннего проявления эмоций.

— О, звезды! *Этотслух*, — выдохнула она, все еще посмеиваясь и вытирая уголки глаз. — Ему уже сто лет. Но если бы ты знала дядю, поняла бы: самое страшное, что он пьет — это кофе. Ведрами! Черный, как космос! А мясо? Пока его не прожарят до состояния углей, он даже не посмотрит в его сторону. Он свой ужин практически сжигает! Никакой крови, честно.

Ярнара не удержалась, уголки ее губ дрогнули — тихий, неуверенный смех все-таки вырвался наружу. Первый за много дней. Этот робкий, но живой звук словно разорвал невидимую нить напряжения между ними.

Ярнара опустила взгляд на Искреца, который мирно посапывал у Айлиз на коленях. И неожиданно даже для себя призналась:

— Я не ожидала, что он выберет меня…

— Никто не ожидал, — Айлиз аккуратно, чтобы не потревожить собаку, откинулась на спинку скамьи. — Все были уверены, что это будет Миэлин.

Она произнесла имя принцессы без зависти и восторга весьма будничным тоном.

— Мой дядя не из тех, кто ошибается. Если он выбрал тебя, значит, так правильно. Даже если остальной мир еще этого не понял.

— Двор… Не любит меня, — в голосе Ярнары скользнула стыдливая нотка, словно жаловаться вслух на такое было почти неприлично.

Айлиз лишь выразительно закатила глаза.

— Двор *никого*не любит, — отрезала она с той же решительной прямотой. — Они никогда не рады новому. Так было всегда. Привыкай. И не слушай их! Ты не та, кого они ждали увидеть рядом с дядей. А это значит, что для них ты опасна. В хорошем смысле.

Айлиз самым естественным движением заправила выбившуюся прядь волос за ухо и добавила:

— Да и вообще, кто еще умудрился притащить собаку в Дом Хеллвейн и остаться в живых? По-моему, тебя сами звезды выбрали.

Тяжесть, которая столько дней лежала на сердце неподъемным грузом, чуть-чуть отпустила. Среди холодного камня и молчаливых коридоров Ярнара обрела не просто случайную собеседницу, а нечто куда более важное — первого настоящего союзника.

Глава 11

Рэйгон стоял у высокого окна северного крыла, откуда открывался вид на внутренний сад, скрытый от посторонних глаз массивными стенами. Внизу, на черной каменной скамье, сидела новоизбранная герцогиня. Рядом с ней — Айлиз, его младшая племянница, чья детская непосредственность всегда прорывалась сквозь строгие рамки придворного этикета. Неудивительно, что именно она первой решилась подойти к Ярнаре.

Они действительно разговаривали. Не обменивались фразами по протоколу, не мерили друг друга осторожными взглядами, как это принято при первой встрече новых родственниц. Просто легко обсуждали что-то свое. И было в этом нечто живое, почти забытое в стенах их крепости.

Рэйгона, естественно, никто не видел. Он оставался тенью за тяжелым стеклом, отделенный от них высотой и холодом камня.

Ярнара рассмеялась — это было понятно по наклону головы и дрогнувшим плечам.

Он не планировал ничего подобного. Ни этого смеха, ни этой встречи, ни, если уж быть честным, самого брака с Ярнарой. Рэйгон знал, что шептал двор о его жене: *слабый выбор, ошибка, мягкость, Дом погубит ее*. Челюсть его едва заметно напряглась, когда до него долетали обрывки подобных разговоров и слухов.

Он ждал от нее другого. Слез, которые прячут в подушку по ночам. Страха, который заставляет опускать взгляд и вздрагивать от любого резкого звука. Ярнара казалась невинной: ее глаза часто были широко распахнутыми, шаги — тихими и аккуратными, а движения — заранее обдуманными. Рэйгон уже видел, как женщины с подобной внешней хрупкостью ломались в куда более мягких обстоятельствах, и потому готовился к тому же.

Но она не сломалась.

Теперь, глядя, как она сидела под бледным солнцем Хеллвейна рядом с Айлиз, Рэйгон ощущал в груди редкое, почти забытое чувство — гордость. Она выдержала. Тихо, без единой жалобы выстояла, когда он вырвал ее из привычного мира, от родных, без предупреждения и без подготовки. И уже умела находить островки тепла в самых холодных уголках его мира.

Тихий стук в дверь прервал его мысли. Рэйгон отвернулся от окна.

На пороге стояла леди Юстина, ладонь ее легко лежала на предплечье дочери. Элендра — всегда безупречная в осанке, с высоко поднятой головой — переводила беспокойный взгляд то на мать, то на дядю.

Рэйгон жестом пригласил их войти и сесть. Сам остался за широким столом в центре комнаты: в его кабинете не было никаких излишеств, только темная поверхность с панелью, над которой мерцал знак, ожидающий прикосновения его перстня.

Юстина заговорила первой со звенящей в голосе тревогой:

— Ты звал нас, брат?

Взгляд Рэйгона задержался на сестре лишь на одно мгновение, этого было достаточно, чтобы отметить ее напряжение, и тут же переместился к Элендре.

— Да. Элендра, твою помолвку с Сорином Розалем придется расторгнуть. Немедленно. Уведомление в Дом Розаль будет отправлено сегодня же.

Элендра резко втянула воздух, словно ей стало физически больно от этого заявления. Она повернулась к матери, безмолвно ища поддержки, но Юстина лишь крепче сжала ее руку и промолчала.

— Дядя, почему? Этот брак… Дом Розаль — Высокий Дом! Ты сам говорил, что они сильны!

— Сильны, да. Верны — нет. Они склоняются туда, куда укажет император. Я не намерен связывать наш Дом с теми, кто продаст нас при первой же возможности.

— Каким образом брак Элендры с Розалями касается наших отношений с императором? — Юстина сузила глаза.

— Если Император решит пойти на эскалацию, Розали последуют за ним без промедлений. Они охотники за выгодой, — Рэйгон оперся подбородком на сложенные ладони. — Если запахнет конфликтом, они преподнесут Элендру императорскому двору, как подарок. Или как заложницу. Император не гнушается такими ходами. И его люди — тоже. Я не позволю, чтобы кровь Хеллвейнов оказалась заложницей чужой слабости.

Глаза Элендры округлились и заблестели поступающими слезами. Она опустила взгляд на свои руки, пальцы слегка дрожали.

— Но он любит меня! — сорвалось с ее губ. — Сорин любит меня! Это не… Не только политика!

Рэйгон даже не моргнул на это проявление слабости. Напротив, его взгляд стал еще холоднее, а голос — строже:

— Тогда ты глупа, если полагаешь, что любовь способна заслонить тебя от летящих в нашу сторону клинков.

Рэйгон прижал перстень к знаку, запечатывая решение световым импульсом. Знак вспыхнул и медленно погас, растворившись в панели.

— Этот союз мертв. Ты останешься там, где должна быть. Здесь, под моей крышей.

Первая слеза сбежала по щеке, Элендра не успела смахнуть ее ладонью.

— Нет, — хрипло выдохнула она. — Нет, я хочу семью! Я хочу детей! Ты обещал мне…

— Мы найдем другой союз, — ответил Рэйгон, стараясь звучать чуть мягче. — Достойный. И безопасный для тебя.

— С кем? — бросила она, торопливо стирая слезы тыльной стороной ладони. — Никого моего ранга уже не осталось. Разве что… Лиран Ксатан? Тот безумец, что живет затворником и беседует с машинами чаще, чем с живыми людьми? Он, наверное, даже не знает, как следует обращаться с женой. Я лучше умру, чем выйду за него!

— Хватит, Элендра, — Рэйгон отвернулся, давая понять, что разговор окончен. — Ты сказала все, что хотела. Теперь выйди из этой комнаты.

Она замерла на несколько мгновений, дрожа всем телом, будто не верила, что Рэйгон говорил это все всерьез. А потом резко обернулась и выбежала, не сдержав громкого всхлипа.

— Чего ты хочешь? — спросил Рэйгон у Юстины, которая не спешила уходить вслед за дочерью.

— Брат… Пожалуйста, не отталкивай меня.

Рэйгон смотрел на нее так, словно решал: стоит ли ее фигура на его шахматной доске чего-то или нет.

— Я пытаюсь понять, — продолжила она. — Ты, Веррис, Абель… Вы мне ничего не говорите. Никогда не объясняете. Считаете меня глупой…

В голосе непрошеной горечью скользнула настоящая обида. Юстина глубоко вдохнула, собирая остатки сил.

— Но теперь речь о моей дочери. Ты сказал, что мы больше не союзники императора… Ты это всерьез?

— Я всегда говорю всерьез.

— Это из-за того, что ты женился на… — Юстина запнулась. — На *этой* девушке?

— Я бы попросил, — холодно произнес Рэйгон, сразу же изменившись в лице. Он никогда не позволял родне сомневаться в своих решениях и действиях, тем более — когда они касались их благополучия. — Больше не называть ее так. Она герцогиня Ярнара Хеллвейн.

— Почему ты на ней женился? — рискнула спросить Юстина, торопливо отводя глаза.

Рэйгону не потребовалось ни секунды, чтобы поразмыслить над ответом:

— Я не скажу тебе этого.

— Почему?!

— Потому что чем меньше людей знает правду, тем безопаснее.

— Веррис и Абель знают?

— Да.

Юстина чувствовала, как кровь прилила к щекам, окрашивая их в ярко-красный оттенок. Такое отношение брата вызывало в ней не злость, а унижение. Она встала и подошла к большому окну, за которым открывался вид на внутренний двор.

Там она увидела знакомые силуэты. Айлиз, ее младшая дочь, сидела рядом с Ярнарой на каменной скамье. Они о чем-то разговаривали, пока рядом крутилась собака. Челюсть Юстины сжалась, уголки губ опустились.

— Ты просил Айлиз поговорить с ней? — тихо спросила она.

— Нет, не просил.

Юстина выпрямила спину и развернулась на каблуках, направляясь к выходу из комнаты.

— Юстина, — Рэйгон окликнул сестру, когда та взялась за массивную ручку на двери. — Что ты собираешься делать?

— Я запрещу Айлиз разговаривать с… — она на секунду замолчала, подбирая слово. Не смогла заставить себя произнести его вслух, поэтому выплюнула: — *Ней*.

— Почему? — Рэйгон хоть и выглядел спокойно, но под этой маской напускного безразличия Юстина ощущала его напряжение.

— Потому что она… Скромного происхождения.

— Она — моя жена, — Рэйгон отчетливо разделял каждое свое слово. — Она — герцогиня этого Дома. Ее ранг выше твоего, Юстина.

Юстина ахнула, как от удара, хотя Рэйгон никогда не применял физическую силу к родственникам. Он встал из-за своего стола и подошел ближе, склоняясь над прижавшейся к двери сестрой:

— Унижая ее, ты унижаешь меня. Ты унижаешь Дом Хеллвейн. Этого я не потерплю, — этот тон заставлял врагов и недоброжелателей трястись от страха, Юстина прекрасно знала, но никогда не думала, что испытает гнев Рэйгона на себе. — Ты ничего не сделаешь. Ты не скажешь Айлиз ни слова.

Юстина чувствовала его горячее дыхание на своей коже, сердце колотилось от страха.

— И если ты не научишься уважать ее… Ты пожалеешь. Это мое последнее предупреждение, Юстина. Ты знаешь, на что я способен, — закончил Рэйгон уже шепотом.

От автора:

Друзья, если вам нравится данная книга, предлагаю почитать другой **фэнтезийный роман**, который мы пишем совместно с Витой Вайн:

Путь изгнанника. Спасти сердце дроу- это история про приключения, сложные судьбы, темную и светлую магию и любовь, куда же без нее. Планируется целый цикл в данном мире, так что если вам тоже заходит юмор, фэнтези и всякие волшебные существа - велкам! Мы будем очень рады любой поддержке, чтобы роман увидело как можно больше людей.

Глава 12

Лето на Хеллвейн пришло будто из ниоткуда. Когда Ярнара впервые ступила на эту планету, ее встретила серая и колючая весна, пронизанная холодным ветром и камнем, в котором не чувствовалось ни капли живого тепла. Тогда она почти сразу решила, что и лето здесь будет еще одним сезоном ледяного воздуха и выцветшей природы.

Но солнечный свет начал задерживаться на стенах крепости дольше обычного. А в саду вдруг распустились цветы.

Не те пышные и душистые, что на Хольмгарде, с нежно-розовыми лепестками и радостными желтыми вкраплениями. Здесь, на суровой земле Хеллвейна, росли другие растения, давно смирившиеся с холодом и резкими ветрами. Их острые, четкие, почти колючие лепестки казались вырезанными из тонкого металла. Краски тоже были странными: серый, приглушенно-лиловый, глубокий, почти чернильный синий. Ярнара не знала их названий, но все равно ловила себя на мысли, что любуется ими.

Теперь она часто приходила в сад. Он стал ее любимым местом — тихим и зачастую пустым, пропитанным свежим горным воздухом. Здесь за ней никто не следил. Стража считала сад слишком незначительным, чтобы тратить на него внимание, а придворные предпочитали душные закрытые залы, где плелись политические интриги.

В этот день Ярнара медленно шла по извилистой каменной дорожке. Единственным ее спутником был Искрец. Айлиз с утра была занята то ли семейными обязанностями, то ли занятиями.

Пес топал впереди, шурша когтями по камню, деловито и настойчиво обнюхивая низкие кусты.

— Не убегай далеко, — вполголоса сказала Ярнара больше для себя, чем для собаки.

Стоило ей задержаться у очередного цветка, как белое пятно куда-то шустро мелькнуло — это Искрец рванул вперед с решительной прытью, мгновенно скрывшись за поворотом.

— Искрец! Стой!

Она бросилась следом, но за углом его уже не было. Следующий поворот — снова ни намека на присутствие собаки.

А потом она услышала звук — едва уловимое механическое гудение. Почувствовала запах разогретого масла и металла. Ярнара, сама не понимая, зачем, пошла туда. Звуки привели ее к большой двери, которую она раньше просто не замечала. Панель безопасности рядом мигала зеленым — замок был снят, словно кто-то уходил второпях и забыл об этом.

За порогом начинался небольшой ангар, нарочно укрытый от посторонних глаз в столь неприметном углу сада. В центре, залитый мягким светом рабочих ламп, стоял один-единственный корабль — заметно компактнее основных судов Хеллвейна. На обшивке не было ни знамен, ни герба Дома. Трап был опущен, огни включены.

До слуха донесся знакомый цокот маленьких лап.

— Искрец? — прошептала Ярнара и поспешила вперед на поиски пса.

Внутри корабля царила пустота. Она шагнула через порог и оказалась в узком коридоре. Пес стоял там, настороженно подняв уши, и смотрел на нее с легким укором, будто сам удивлялся ее медлительности.

— Ты когда-нибудь втянешь меня в настоящие неприятности, — выдохнула Ярнара и взяла собаку на руки. Теплый комочек прижался к груди, успокаивая ее бешено колотящееся сердце.

В этот момент она услышала голоса, которые приближались весьма быстро вместе с ритмично стучащими по металлу сапогами.

— Все системы готовы?

— Проложен курс до планеты Ильтиор, как вы приказывали, Ваша Светлость.

— Щиты держать офлайн до самой посадки, не хочу встретить никого постороннего.

— Понял, Ваша Светлость.

Этот холодный голос она узнала мгновенно — Рэйгон.

Ярнара резко обернулась, шаги звучали все ближе. Если бежать сейчас — ее точно заметят… Паника накрыла мгновенно. Движимая инстинктами, Ярнара заметила чуть дальше по коридору приоткрытую дверцу в подсобное помещение. Внутри располагались узкие стеллажи, пара запечатанных ящиков и ровно столько свободного места, чтобы там смог сесть человек примерно ее роста.

Ярнара вжалась в дальний угол вместе с Искрецом, прикрыв дверь ровно настолько, чтобы оставалась небольшая щель для обзора. Коленями она уперлась в низкий ящик, а спиной — в холодную металлическую стенку. Дышать здесь было почти нечем, но и выдавать себя она не собиралась.

Теперь звук шагов раздавался внутри самого корабля. Ярнара обняла собаку крепче, зарываясь пальцами в мягкую шерсть, и затаила дыхание. За дверью щелкали переключатели, главный входной люк с шипением закрылся.

Под ногами прокатилась ощутимая вибрация, механический гул стал глубже — корабль готовился к взлету.

Она покидала Хеллвейн с Рэйгоном и его командой и понятия не имела, куда они направляются. И зачем.

Сердце стучало так громко, что, казалось, его эхо вот-вот отразится от металлических стен и выдаст ее присутствие. Голоса из рубки постепенно стихали, растворяясь в низком, ровном гуле пробуждающихся систем корабля и редких репликах офицеров. Иногда сквозь этот фон прорывался спокойный и властный голос Рэйгона, не терпящий возражений.

В крепости он говорил скупо и холодно. Здесь же Рэйгон звучал иначе — уверенно и по-хозяйски. Это была его территория.

Дважды у Ярнары просыпалась решимость просто выйти из этого тесного закутка чужого корабля. Объясниться, что это случайность и досадная оплошность, выслушать неизбежный выговор. Рэйгон бы не поднял на нее руку. Да ведь?..

Но каждый раз, когда Ярнара собиралась встать, на нее накатывала новая волна жгучего стыда:

“*Он решит, что я дура*, — думала она. — *Глупая девчонка, которая увязалась за собакой прямо в военный шаттл*”.

Искрец шевельнулся на руках, словно уловил стыд хозяйки, и устроился удобнее, уткнувшись холодным носом в сгиб локтя. Его ровное сопение было единственной частичкой тепла в этом ледяном убежище.

Из рубки послышалась очередная команда:

— Готовиться к варп-прыжку.

Нет! Только не это! Ярнара испуганно сжалась, вспоминая свой первый прыжок через варп-пространство. Она до сих пор могла чувствовать отголоски тех ощущений, когда сводило живот, раскалывалась голова, а мир в глазах стремительно уплывал.

— Прости, — шепнула Ярнара собаке, едва шевеля губами. — Просто потерпи, пожалуйста, еще немного…

Двигатели сменили тональность, гул стал глубже и плотнее. Ярнара стиснула зубы, приготовившись к той знакомой тошнотворной волне, но...

Ничего подобного не произошло. Она лишь ощутила короткий рывок где-то за глазными нервами и легкое шевеление в животе — весьма терпимо, чтобы не выдать своего присутствия на корабле.

Искрец даже не заскулил. Он лишь поднял голову и посмотрел на нее своими темными спокойными глазами, за что Ярнара благодарно чмокнула его в макушку.

Корабль шел мягко и ровно. Никто даже не подозревал о лишнем пассажире, притаившемся в тесном закутке подсобки.

Ярнара не представляла, сколько прошло времени, пока гул двигателей не подсказал — они идут на посадку. Послышались шаги, направляющиеся к трапу, и гидравлический пшик открывающегося люка.

— Активировать ментальные щиты.

В воздухе будто что-то дрогнуло, невидимая волна прошла по кораблю, оставив после себя легкое покалывание на коже.

Ментальные щиты? Ярнара не понимала, о чем речь. Сердце сделало тревожный кульбит под ребрами.

Один за другим люди покидали корабль. Гул сменился приглушенным рокотом систем в режиме ожидания, а затем наступила долгожданная спасительная тишина.

Ярнара еще какое-то время не шевелилась. Инстинкт требовал одного: сидеть до последнего, дождаться возвращения экипажа и попытаться проскользнуть обратно незамеченной. Может, повезет, и никто так и не узнает о ее маленькой глупой авантюре.

Но тело уже уже вовсю протестовало из-за неудобной позы, в которой она провела черт знает сколько времени: ноги затекли, спину ломило, даже Искрец беспокойно вертелся, пытаясь выбраться.

Наконец, Ярнара, тяжело дыша, чуть приоткрыла дверцу и выглянула в коридор, где уже никого не было. Она на цыпочках добралась до низкого иллюминатора и заглянула наружу через толстое стекло.

У нее перехватило дыхание от открывшихся видов.

За окном раскинулся мир, состоящий почти целиком из воды. Бесконечный, мерцающий океан, который прерывала лишь черная линия берега, изгибаясь вдоль горизонта, как змея. Небо было мягко-серым, пронизанным тонкими фиолетовыми прожилками низких облаков. А вода… Она словно дышала, медленно переливаясь насыщенной синевой и изумрудными перламутровыми вспышками.

Берег, где приземлился шаттл, был устлан абсолютно черным песком, из которого торчали грубые обломки обсидиана.

Здесь не было ни города, ни признаков поселений, только несколько лодок стремительно отплывали от берега в бесконечную водную гладь. В одной из них Ярнара заметила силуэт Рэйгона.

Вокруг не осталось ни одной живой души — только она, Искрец и вибрирующий шаттл. Ярнара остро ощутила себя одинокой в этом неизвестном и огромном мире, но было в нем что-то безумно завораживающее. Приложив ладонь к прохладному стеклу, она выдохнула:

— Красиво…

Это была не та красота, к которой она привыкла на Хольмгарде, или отточенное великолепие императорских залов Ноктиона. Здесь все дышало дикой, первозданной силой. Место, которому было совершенно все равно, кто она: герцогиня, супруга или пешка в чужой игре. Здесь она просто маленький и хрупкий человек, стоящий на краю чего-то древнего и совершенно неведомого.

По телу прошла странная дрожь. Это можно было сравнить с любовью с первого взгляда: стремительной, ясной, не требующей никаких объяснений и не знающей никаких границ.

Искрец тихо заскулил, бодро виляя хвостом в безмолвной поддержке.

— Пойдем посмотрим.

Ярнара впервые со дня свадьбы шагнула навстречу неизвестности не по чужой воле, не по приказу и не из чувства долга, а по собственному порыву. Она легко спустилась по трапу

и встала на неровную поверхность черного песка. В лицо ударил ветер, несущий в себе соль и нечто неуловимое.

Приятно.

Искрец с восторгом метался вокруг, обнюхивая блестящие обломки обсидиана и мелкие лужицы, оставленные отливом. Его лапы оставляли крошечные следы на влажном песке.

Сначала Ярнара двигалась осторожно, обдумывая каждый последующий шаг, легко касалась ладонью камней, проводила пальцами по их холодной шероховатой поверхности. Казалось, обсидиан был настолько древним, что помнил рождение самого океана, его первые приливы и грозы над этой водой.

Влажный порыв ветра подхватил волосы и растрепал их. Ярнара закрыла глаза и вдохнула полной грудью.

“*Я могла бы остаться здесь навсегда*, — внезапно вспыхнула упрямая и пугающе ясная мысль. — *Пропасть здесь…*”.

Искрец подбежал и брызнул водой из лужицы на подол ее платья, Ярнара тихо рассмеялась при виде довольной морды с высунутым малиновым языком.

Она бросила быстрый взгляд на неподвижный и выглядящий чужим на этом берегу силуэт шаттла и пошла дальше, ступая по черному песку навстречу бесконечному мерцающему океану.

Берег тянулся бесконечно. Через какое-то время Ярнара заметила широкий плоский валун и направилась к нему, осторожно устроилась сверху, подтянула колени к груди, обхватила их руками и опустила подбородок сверху. Океан продолжал завораживающе “дышать” перед ней перламутровым мерцанием.

Ярнара наслаждалась царящей здесь тишиной и спокойствием, как вдруг раздался всплеск. Краем глаза она уловила движение и резко повернула голову туда, где вода уже успокаивалась. И лишь расходящиеся по глади круги выдавали, что совсем недавно там было… Нечто.

“*Рыба*, — попыталась убедить себя Ярнара. — *Всего лишь рыба*”.

Но даже в мыслях слова звучали неубедительно. Собака сидела рядом, будто тоже разглядывая воду.

Океан смотрел на них в ответ.

Ей следовало бы испугаться. Любой разумный человек на ее месте уже бы отступил, но вместо страха Ярнара почувствовала, как внутри просыпалось сладкое притяжение, будто сам прибой тихо, но настойчиво повторял ее имя. Звал без слов.

Всплеск повторился — один, другой раз — и поверхность снова затихла. Искрец тявкнул и потянул зубами край ее подола, пытаясь оттащить на безопасное от берега расстояние.

Ярнара поднялась с валуна и пошла вдоль кромки воды, следуя за неуловимым движением в глубине океана. Вскоре она увидела тень под водой, скользящую с такой плавностью и грацией, на какую не было физически способно человеческое тело. А еще у этой тени был мощный и мускулистый хвост, изгибающийся волной при движениях.

Силуэт подплыл к берегу и начал подниматься.

На мгновение Ярнара забыла, как дышать.

Существо было похоже на человека, однако его кожа блестела, словно мокрый металл, отливая серебром и бледно-зеленым оттенком. На предплечьях раскрывались плавники. Глаза… Они были черными, бездонными и смотрели прямо на нее.

Когда существо приоткрыло рот, Ярнара увидела ряды острых блестящих зубов, предназначенных скорее не для устрашения, а для выживания в суровых условиях под толщей океанской воды.

Черные глаза изучали ее, а потом нечто странное скользнуло внутрь, минуя кожу — как будто само течение омывало разум изнутри.

Ярнара не могла ни пошевелиться, ни выдохнуть.

Искрец отчаянно лаял где-то сбоку, но звуки, отдаленные толщей океана, с трудом доносились до ее разума.

Остались только существо и голос, вошедший в сознание Ярнары, как совершенно четкая, но чужая мысль:

“*Кто ты*?”.

Глава 13

—Кто ты?

Слова были произнесены не вслух, а прямиком у Ярнары в голове. Голос существа не походил ни на мужской, ни на женский.

— Я… Ярнара…

Черные глаза, улавливающие отблеск волн, едва заметно дрогнули.

— Ярнара… Пешая. Зачем ты сюда пришла? Что ищешь?

Ярнара судорожно сглотнула и открыла рот, чтобы ответить, но не нашла подходящих слов

Она не знала.

Свободу? Место, где она будет чувствовать себя, как дома? Жизнь, которая не состоит из долга, холодных стен и разговоров о политике?

— Я… Не знаю…

Существо чуть наклонило голову, изучая ее. Искрец снова тявкнул, но черная бездна взгляда держала крепче любых цепей. Что-то звало ее, спрятанное глубоко внутри этого создания или в самом океане.

И тут раздался новый звук, который нарастал постепенно. Ярнара не могла повернуть головы, чтобы посмотреть на приближающихся людей, но слышала топот их сапог по песку и громкие крики.

— Ярнара!

Хриплый голос Рэйгона развеял туман в ее голове. Чары отпустили, Ярнара моргнула и отшатнулась, словно невидимая хватка наконец отпустила не только ее сознание, но и тело. Подошва скользнула по мокрому камню, и, не успев даже вскрикнуть, Ярнара рухнула в ледяную воду Ильтиора.

Океан сомкнулся над головой и с силой рванул ее за собой. Холод оказался невыносимым. Существо приблизилось и протянуло к ней руку. В этом жесте не было угрозы, скорее… Приглашение? И где-то в глубине сознания снова вспыхнул этот чарующий голос:

— Идем глубже…

Ярнара понимала, что должна вырваться наверх, плыть к поверхности, но не двигалась. Она просто не могла заставить свое тело слушаться. Рука существа застыла у ее лица.

— Тебе не нужно возвращаться. Больше нет никакого долга. Никаких стен. Никакого холода. Пойдем со мной.

Паника отступала. Вода больше не казалась такой ошеломляюще ледяной. Ярнара словно зависла в невесомости, окруженная теплом, которого еще не было секунду назад. Будто сам океан распахнул для нее свои согревающие объятия.

— Я могу дать тебе покой и свободу. Место, где ты будешь своей.

Пальцы Ярнары сами потянулись к раскрытой ладони существа — к зову обещаний, в которые она начинала верить.

— Просто возьми мою руку…

Кислород заканчивался в легких, грудь жгло отчаянным желанием вдохнуть. Конечности стали тяжелыми, а сознание начинало поддаваться этому манящему мраку.

И тут ее схватили крепкие человеческие руки, рванули назад с такой силой, что связь с существом в один миг оборвалась. Над головой с грохотом разверзлась поверхность — Ярнара, захлебываясь и кашляя, очутилась на спасительном воздухе.

Холод вернулся мгновенно.

Ее вытащили из воды на мягкий черный песок. Где-то рядом отчаянно лаял Искрец.

Рэйгон стоял на коленях рядом с Ярнарой, тяжело дыша. Его волосы и одежда промокли, с них стекала морская вода. Вокруг них напряженным кольцом замерли солдаты Дома Хеллвейн, направив оружие к волнам. Их взгляды прочесывали водную гладь в поисках малейших движений, у каждого за ухом поблескивало тонкое металлическое устройство.

Голос Рэйгона, когда он наконец заговорил, был таким же ледяным, как и вода, из которой ее вытащили.

— Как ты здесь оказалась?!

Ярнара смотрела на него, все еще хватая воздух рваными вдохами, и дрожала так сильно, что не могла ответить на вопрос. Пальцы Рэйгона требовательно впились в ее трясущиеся плечи:

— Почему ты ушла от корабля? Ты вообще понимаешь, что произошло? Если бы не лай собаки, мы бы не заметили тебя. Ты была бы мертва!

Искрец прижимался к ногам, жалобно поскуливая.

— Ты теперь герцогиня Хеллвейн, — процедил Рэйгон. — А не какая-то глупая девчонка, бегающая по опасному берегу. Твоя жизнь больше не принадлежит только тебе. Ты носишь имя моего Дома. Однажды ты будешь носить моего наследника.

Рэйгон был зол на нее, Ярнара это понимала, но в его взгляде проскользнуло что-то еще, напоминающее искреннюю тревогу. Ярнара прикусила губу и сжалась из-за ветра, который пробирался под мокрую ткань.

Рэйгон резко разжал пальцы на ее плечах и выдохнул, его ладонь замерла у бледной щеки, почти коснувшись холодной кожи, но потом исчезла. Он поднял с песка свой тяжелый плащ, который швырнул туда прежде чем прыгнуть в воду, и накинул его на спину Ярнары.

Затем поднялся и привычным тоном отдал офицерам команды:

— Принесите одеяла и горячий чай. Вылетаем немедленно.

Он повернулся к ней, присел и, не спрашивая, с легкостью подхватил на руки. Ярнара тихо охнула от неожиданной близости, но не попыталась вырваться — сил не осталось ни на протесты, ни на споры. Поэтому она смиренно замерла на его руках, прижавшись головой к груди. Под щекой она чувствовала тяжелые удары чужого сердца, пока они возвращались к шаттлу.

Искрец следовал по пятам, отряхиваясь от соленой воды.

Океан за их спинами дрогнул, будто что-то под поверхностью все еще смотрело им вслед.

Продолжало ждать.

***

Ровный гул двигателей заполнил кабину шаттла. За маленькими иллюминаторами бесконечный мерцающий океан Ильтиора медленно уходил вниз, растворяясь в облаках и тумане, пока корабль набирал высоту и уходил к орбите.

Ярнара сидела, укутавшись в несколько слоев тяжелых серых одеял. Дрожь все никак не отпускала — то ли от холода, въевшегося до костей, то ли от пережитого ужаса.

Рэйгон стоял у пилотской консоли и опирался ладонью на панель. Голос его звучал приглушенно, когда он отдавал короткие распоряжения экипажу. Он уже успел переодеться в сухую одежду и гладко зачесать волосы назад — выглядел так, словно ничего и не произошло. Но каждые несколько минут он бросал на Ярнару короткий внимательный взгляд, проверяя, все ли с ней в порядке.

Наконец, когда курс был построен и началась подготовка к варп-прыжку, Рэйгон отступил от панели и подошел к ней. Остановился в паре шагов, формально и почти неловко держа руки за спиной.

— Ты в порядке? — спросил он вполголоса.

Ярнара сильнее стиснула одеяло на плечах и кивнула, хотя в памяти пугающе четко перед ней стоял образ с черными бездонными глазами, упорно взывавшими проследовать в глубину. С губ сорвался вопрос, который начал мучить после того, как Рэйгон вытащил ее из воды:

— Что это было за существо?

Тень скользнула по лицу Рэйгона, он тяжело вздохнул и занял сиденье напротив, упираясь локтями в колени.

— Мы точно не знаем. Они были здесь задолго до того, как Дом Хеллвейн нашел эту планету много лет назад.

Ярнара слушала его с замиранием сердца. Искрец крутился где-то в ногах, все еще обеспокоенный недавними событиями.

— Они живут на глубине, — продолжил Рэйгон свой рассказ, неотрывно глядя Ярнаре в глаза. — Редко поднимаются к поверхности и охотятся… Ментально, как ты уже поняла. Вкладывают в головы тех, кто подходит к ним слишком близко, скрытые мысли и желания. Заманивают в воду.

Договаривать не требовалось — Ярнара догадывалась, какой был итог. Ее передернуло от яркого воспоминания о вытянутой руке существа и от того, как жадно какая-то ее частичка рвалась за ней.

— Ни одному человеку нельзя приближаться к воде на Ильтиоре без ментальных щитов, — Рэйгон чуть подался вперед, сокращая расстояние между их лицами. И сказал пугающе серьезно: — Это не красота, а смерть, облаченная в чудо.

Шаттл издал характерный звук, входя в варп. Ярнара на автомате подняла лающего Искреца на руки и стыдливо прошептала:

— Я не знала…

Ей все еще было страшно от холодной сдержанности в голосе Рэйгона и от его колючего взгляда, однако любопытство вновь давало о себе знать. Пусть тихо и неуверенно, но она спросила у него:

— Что это за планета? То есть… Зачем вы там были?

— Никому не говори об этом. Ни Айлиз, ни своей семье. Никому и никогда. Поняла?

Ярнара тут же кивнула, ее сердце забилось чаще. Рэйгон на какое-то мгновение замолчал, словно обдумывал границы, в которые было допустимо ее посвящать.

— Эта планета скрыта. Не нанесена ни на одну официальную карту. Там есть месторождения редких материалов, которые мы добываем.

Ярнара не рискнула расспрашивать дальше.

— Этого достаточно, — подытожил он. — Остальное тебе знать не нужно.

Между ними повисла напряженная пауза. Ярнара, сама от себя не ожидая, выдохнула:

— Спасибо… Что спас меня.

Их взгляды встретились. Ярнара ожидала, что Рэйгон отмахнется, встанет и уйдет к своим подчиненным, но вместо этого он сказал:

— Ты под моей защитой.

В этой фразе не было мягкости, она звучала как приговор или как факт, не подлежащий обсуждению. Ярнара удивленно посмотрела на Рэйгона и почувствовала, как что-то новое и непривычное сжалось в груди рядом с колотящимся сердцем.

Дыхание на миг сбилось.

— Быть частью этого мира достаточно опасно. Я был бы признателен, если бы ты не искала новых способов усложнить нашу жизнь.

Неужели это была… Попытка пошутить?

Ярнара невольно улыбнулась и отвела взгляд от серьезного лица, а ее щеки предательски вспыхнули:

— Я постараюсь. Правда.

— Кстати. Как ты умудрилась оказаться в шаттле на рейсе до Ильтиора?

Лицо вновь обдало жаром. Ярнара уставилась в свои колени и, заикаясь, попыталась оправдаться:

— Искрец… Убежал. Я хотела его найти и попала в ангар. Один из шаттлов был открыт. Я… Я не собиралась… Просто услышала голоса и… Спряталась. Думала, успею выскользнуть, пока вы не взлетели. Но потом… Стало слишком поздно.

Ярнара рискнула поднять глаза в ожидании увидеть на лице Рэйгона вспышку злости или ледяного презрения, но…Уголок его губ практически неуловимо дернулся вверх. Эта тень улыбки была сразу же спрятана под едкой иронией:

— Погоня за собакой в закрытый военный шаттл… И в результате — тайный пассажир на секретной миссии попал на планету, о которой больше никто не знает. Поразительно.

Ярнара стыдливо опустила голову и погладила собаку по макушке.

— Отдыхай, — сказал напоследок Рэйгон и, не дожидаясь ответа, вернулся к пилотской кабине. Даже будучи занятым своими делами, он склонил голову так, чтобы Ярнара оставалась в поле его зрения.

И где-то глубоко в груди, там, где столько дней жили только боль и страх, вдруг вспыхнуло что-то маленькое и хрупкое. Впервые за все время их брака Ярнара поняла: она больше не одна в этом доме.

Глава 14

Ужин в доме Хеллвейн тянулся неспешно: блюда сменяли друг друга, и каждое оказывалось вкуснее и пафоснее предыдущего. Рэйгон сидел во главе стола, Ярнара — сразу справа от него. Впервые оказавшись на таком месте, она ощущала странную смесь гордости и тревоги, от которой неровно колотилось сердце и кусок в горло не лез.

Слева расположились лорд Веррис и генерал Лайос — брат и дядя Рэйгона, главные фигуры его военного совета. Дальше — Абель Хеллвейн и леди Юстина. В самом конце — главы нескольких малых союзных домов. Напротив Ярнары — гость вечера, лорд Марисон Хет, старший посол Дома Веларин.

Платье Ярнара выбирала долго и с осторожностью: строгий силуэт, плотный темно-стальной шелк, тонкая серебряная кайма по подолу и рукавам. Из украшений на ней были только серьги с каплевидным жемчугом — подарок Айлиз. С того самого момента, как она заняла место по правую руку рядом с Рэйгоном, Ярнара не произнесла ни слова — и не была уверена, положено ли ей вообще открывать рот.

Звон приборов постепенно стих, тарелки оставались почти нетронутыми. Вместо тепла от еды за столом царил жар иного рода — ожидание. Лорд Марисон, сохраняя полное спокойствие, заканчивал излагать суть своего предложения: “разумное”, но твердое повышение цен на сельскохозяйственные поставки из Веларина в Хеллвейн и его вассальные миры. Причина, по его словам, была проста: засуха, нехватка рабочих рук и череда особенно жестоких штормов в минувший сезон жатвы.

— Мы держались, сколько могли, — произнес он мягко. — Но житницы не бездонны. У земли есть предел. Как и у наших финансов.

Веррис чуть наклонился вперед через стол:

— Удивительно удачное стечение обстоятельств, — протянул он лениво. — Подозрительно удачное, я бы даже сказал.

Марисон терпеливо улыбнулся:

— Прибыль — то, что вообще позволяет Домам существовать. В такое неспокойное время Империя требует от нас все больше налогов. Корректируем маржу не мы одни.

— Не вам читать нам лекции о бремени, — холодно оборвала его Абель. — Хеллвейн кормит больше десяти миллиардов человек. Мы не можем каждый раз подстраиваться под новые “объективные трудности”, которые вдруг находят ваши счетоводы.

Веррис тихо хмыкнул.

— Пара голодных месяцев никому не повредит. После них, весной, человек становится шустрее.

По ряду малых лордов прошла легкая волна смешков, кто-то из них попытался спрятать рот за поднятым кубком.

Лицо Марисона осталось бесстрастным, он лишь вежливо склонил голову.

— А если голод не закалит дух, а сломает его, лорд Веррис?

В глазах Верриса мелькнул ледяной блеск.

— Тогда и кормить такой дух не стоило.

Ярнара почувствовала, как жар поднялся по шее, как сбилось дыхание от жестокости этих слов. Как легко, почти насмешливо их принял весь зал… Она бросила быстрый взгляд на Рэйгона, но тот никак не реагировал.

Абель заговорила снова:

— Дом Веларин прекрасно знает, что Хеллвейн не так-то легко оставить без хлеба, милорд. У нас большие запасы. Мы умеем пережидать трудности. А ваше излишнее зерно вечно храниться не будет, — она поднесла кубок к губам, уголки рта тронула самодовольная

улыбка. — Когда в амбарах заведется плесень, вы сами вернетесь. И мы не забудем, кто первым попытался перекрыть нам кислород.

— Справедливый риск. Но голод — это бремя, которое мы не собираемся нести в одиночку, — взгляд Марисона неожиданно скользнул к Ярнаре на одно мгновение. Она ощутила его так отчетливо, словно капля ледяной воды коснулась кожи.

До сих пор молчавший генерал Лайос наконец заговорил:

— Варп-топливо течет через Хеллвейн. Ваши корабли нуждаются в нем не меньше, чем мы в вашем зерне. Нет топлива — нет перелетов. Нет перелетов — нет прибыли. Арифметика простая.

Несколько малых лордов одобрительно загудели, кто-то даже хмыкнул. Ярнара переводила глаза с одного лица на другое. Перед ней стояла миска со спелым инжиром — сладкая роскошь на столе, где судьбы обычных людей обсуждали так же спокойно, как дрова для камина. Она крепко сжимала губы, не решаясь вмешаться. Это не ее дело.

Рядом Рэйгон чуть шевельнулся — всего лишь постучал пальцами по столешнице. Единственный знак, что он внимательно слушал каждое слово.

Лорд Марисон выдержал паузу чуть дольше, чем было уместно за столом, затем едва заметно повернул голову и посмотрел прямо на Ярнару:

— Возможно… Сама герцогиня соизволит высказать свое мнение.

Весь зал замер, даже снующие туда-сюда слуги застыли с кувшинами и блюдами в руках.

Ярнара ошеломленно моргнула и посмотрела на Марисона, потом, повинуясь инстинкту, на Рэйгона, но муж не подал ей никакого знака: ни кивка, ни предостережения. Взгляд его был неотрывно прикован к послу.

Улыбка Марисона оставалась все той же спокойной, вежливой и непроницаемой.

— Ваша Светлость, — произнес он. — Вы ведь родились в Хольмгарде, нашем вассальном мире? Это известное хлебное кольцо. Насколько я знаю, ваша семья до сих пор держит там земли?

— Я… Я не уверена, что могу говорить о… — Ярнара стыдливо запнулась.

— Что вы, — почти ласково сказал Марисон, однако Ярнара ощущала, как он начинал давить на нее. — Уверен, вы хотя бы что-то слышали. Если штормы действительно были такими сильными, люди вашего отца не могли молчать. В конце концов… Если ущерб настоящий, то повышение цены — вопрос выживания нашего Дома, а не наживы. А если ущерба нет… Тогда Дом Хеллвейн вправе отказать. Но все же, Ваша Светлость…

Посол открыто повернулся к Ярнаре под удивленными взглядами присутствующих за столом:

— Если дожди действительно уничтожили урожай, то отказ от повышения приведет к нехватке продовольствия для целых миров. Для миллиардов, которые зависят от Хеллвейна, его хлеба и муки. Не думаю, что вы хотели бы нести такой груз ответственности на плечах.

Все замолкли в ожидании ее ответа. Сердце Ярнары громко колотилось в груди, она знала, что лучше промолчать. Знала, что у мужа и его семьи уже есть свое мнение по этому вопросу, свое решение… Но перед ее глазами стояли не склады, полные зерна, и не цифры. А люди, голодные дети, пустые кладовые в домах, бледные и изможденные лица.

Честные слова сорвались с губ сами собой:

— Дожди в этом году были ужасные. В нашей долине погибла почти половина полей… Многим семьям весной будет тяжело даже засеяться.

По залу прошел шепот недовольства. Улыбка Верриса превратилась в хищную усмешку. Абель метнула на Ярнару тонкий, обжигающий взгляд из-под опущенных ресниц, а у Юстины дрогнули губы.

— Благодарю за честность, Ваша Светлость. Значит, вы видите, лорды: наши трудности не выдуманы. Герцогиня знает правду лучше любого официального отчета.

Щеки Ярнары вспыхнули огнем, а губы приоткрылись, будто она хотела забрать слова обратно, но было уже поздно.

Марисон откинулся на спинку стула, вся его поза явно кричала: *видите, как все просто*.

Голос Рэйгона первым нарушил повисшую в зале напряженную тишину:

— Дом Хеллвейн признает часть ваших требований. Только половину, не больше.

Пальцы Марисона едва заметно дрогнули, как след тихой победы, которую он даже не пытался скрыть:

— Разумеется, Ваша Светлость. Мы согласны.

Посол кивнул Ярнаре легким движением, в котором теперь сквозила почти откровенная насмешка. Она сидела неподвижно, пока сердце быстро и отчаянно билось у самого горла и пылало лицо.

"*Одна ошибка за другой*, — подумала она. — *Сначала Ильтиор, а теперь — несколько неосторожных фраз, и я поставила власть мужа под сомнение за его же столом. Перед его же людьми!*".

Она сцепила ладони в замок так сильно, что побелели костяшки.

"*Я не создана для этого. Недостаточно умна и осторожна. Я не понимаю этих игр, только мешаюсь и прошу прощения за последствия*".

Под сердцем шевельнулось злое, едкое желание:

"*Если бы только он выбрал в жены другую. Любую! Ту, которую растили для этого. Миэлин… Да кого угодно! Только не меня…*".

Ярнара украдкой взглянула на непроницаемый и холодный профиль Рэйгона.

"*Зачем?Зачем ты женился именно на мне?*".

Но Рэйгон даже не взглянул на нее. Ответ читался в напряжении у уголков его рта, в сухом скрежете перстня о столешницу, когда он, разжав пальцы, машинально провернул кольцо.

Зал уже начинал понемногу пустеть. Слуги убирали блюда, малые лорды обменивались вежливыми прощаниями. У конца длинного стола Ярнара осталась одна. Она пыталась вжать голову в плечи и стать меньше, незаметнее. Исчезнуть отсюда.

Легкий скрип шагов по каменному полу заставил Ярнару испуганно поднять взгляд. Рядом с ней остановился старик в серых одеждах Священного Ордена — отец Серин, вспомнила она, храмовник одного из малых святилищ Хеллвейна. Не влиятельный и не богатый, здесь он был только потому, что древний обычай давал Ордену место там, где решались судьбы простых людей.

— Ваша Светлость… Простите, если это неуместно, но… Я хотел поблагодарить вас.

Губы Ярнары приоткрылись в легком удивлении:

— Поблагодарить? За что?

— За то, что вы сделали, — улыбнулся Серин с добродушием и теплотой. — Мало кто готов говорить за тех, кому никогда не сесть за этот стол, герцогиня. Еще меньше тех, кто сделает это, понимая, что может лишиться расположения или титула.

— Это было не смело, — шепотом ответила Ярнара. — Просто… Глупо. Я должна была молчать.

Отец Серин мягко покачал головой:

— Возможно. А возможно — и нет, — он наклонился чуть ближе, понизив голос до шепота: — Казна Дома Хеллвейн переживет эту уступку. Они продадут чуть больше варп-топлива какому-нибудь гильдейскому флоту или далекой колонии — и покроют разницу. Они всегда так делают.

Его взгляд мельком скользнул туда, где вполголоса переговаривались Веррис и Лайос.

— Важно другое, — тихо продолжил он. — Что общие житницы останутся открыты и у семей будет хлеб. Что в дальних уголках мира не будут замерзать голодные дети.

Ярнара, не доверяя собственному севшему голосу, просто кивнула, смаргивая непрошенные слезы. Теплая морщинистая рука старика слегка коснулась ее рукава в невесомом благословении:

— Сохраните свою доброту, Ваша Светлость. Однажды этот Дом еще будет благодарен вам за нее.

И он растворился в потоке слуг и мелких лордов, унося вместе с собой свою доброту и признательность. Ярнара проводила его взглядом и вдруг поняла: то, что она сделала, здесь не забудут. И быстро не простят.

Глава 15

Ветер трепал Ярнаре волосы, пока она шла по холодному пляжу, загребая ногами черный песок. Перламутровые волны накатывали ровными, медленными грядами. По идее, ей должно было быть холодно, но она ничего не чувствовала. Шла тихо, не торопясь — здесь было необычайно спокойно. А еще здесь она была на своем месте.

Вода шевельнулась, чуть подальше от берега из нее поднялась темная тень. Ярнара тут же остановилась — она уже знала, что последует за этим.

Существо подняло голову из моря, его кожа была такой же гладкой, темной и мокрой, как в первый раз. И эти необычные черные глаза, похожие на камни обсидиана… Оно не приближалось, просто с любопытством смотрело на нее.

И Ярнара тоже не отводила взгляд. В ее голове прозвучал знакомый голос, вторгаясь мягко, но настойчиво:

— *Зачем ты вернулась?*

— Я хотела узнать… Почему вы пытались меня убить?

— *Ты пришла с суши. Вы жжете. Вы копаете. Вы травите. Берете у этого мира все и ничего не отдаете взамен. Ходите по нему сверху и ведете себя так, будто он ваш. Приносите смерть. Поэтому смерть — это то, что я приготовила тебе.*

Ярнара не знала, что на это ответить. Однако тихий и печальный голос вернулся в ее мысли снова:

— *Тебе следовало пойти со мной. Это было бы быстро... Лучше того, что ждет тебя дальше.*

Дыхание перехватило от прозвучавшего в мыслях заявления, Ярнара вздрогнула и… Проснулась. Несколько секунд она сидела неподвижно, прижав ладонь к ребрам, будто пытаясь удержать грохочущее сердце на месте. Это был не единственный сон об Ильтиоре, но существо в них появилось впервые.

На ноги мягко опустился знакомый тяжелый комочек. Ярнара начала гладить теплую шерсть Искреца, пока сердечный ритм приходил в норму и напряжение постепенно отпускало плечи.

Взгляд скользнул мимо пса по комнате. Шторы на окне слегка колыхались: светлая ткань с мелким цветочным рисунком, которую она сама выбрала на местном рынке всего несколько дней назад. У камина, рядом с ее туфлями, стояла плюшевая лежанка Искреца, один из игрушечных мячиков наполовину торчал над бортиком. На низком столике — садовые цветы в глиняной вазе. Вроде бы такие простые вещи, но… Это были ее вещи.

Последние дни Ярнара почти не выходила из комнаты. В тот вечер, когда она опозорила мужа перед советом, она смиренно ожидала, что Рэйгон пришлет за ней. Сделает выговор, отчитает за слова, сказанные, когда надо было молчать, за милосердие там, где по правилам этой жизни имели значение только монеты и рычаги влияния. Но он не пришел. Не сказал вообще ничего.

Вместо него говорил Дом: холодными взглядами в коридорах и шепотом за спиной, едва она проходила мимо. Только Айлиз иногда заходила в ее покои, только Искрец сворачивался клубком у бока, пока она день за днем читала, надеясь, что двор рано или поздно забудет о ней.

Ярнара откинулась на подушки. Искрец улегся рядом с ее головой, словно почувствовал переживания хозяйки. Она обхватила его рукой и уткнулась щекой в мягкую шерсть между ушами.

Тишина комнаты и мягкое тепло утреннего солнца тянули обратно в дрему, на веки снова легла приятная тяжесть. На этот раз ей ничего не снилось.

Легкий стук заставил резко распахнуть глаза. Ярнара приподнялась, моргая от яркого света, теперь уже свободно льющегося в комнату сквозь шторы. Искрец, явно недовольный, что его столь бесцеремонно потревожили, громко зевнул.

В приоткрывшуюся дверь осторожно заглянула Мира, ее горничная, взволнованно обращаясь к Ярнаре:

— Его Светлость ждет вас к завтраку.

Сон окончательно отпустил — Ярнара не ожидала услышать от горничной нечто подобное этим ленивым утром. Сердце болезненно дернулось.

Зачем он хочет видеть ее за завтраком?..

Мира начала выполнять свою привычную рутину: помогла умыться и одеться, вытащила из шкафа простое зеленое платье.

— Сядьте, Ваша Светлость, еще есть время. Не суетитесь.

Пальцы ловко заплели Ярнаре волосы в аккуратную косу. В зеркале на нее смотрело бледное лицо с широко раскрытыми глазами и приоткрытыми губами. Аппетита не было совсем. Как и настроения.

Через несколько минут она вошла в обеденный зал, где Рэйгон, одетый в темный костюм с приталенным пиджаком, в одиночестве сидел за длинным полированным столом. Его широкие плечи были повернуты вполоборота к утреннему свету, одна длинная нога закинута на другую, а рядом стояла чашка ароматного черного кофе.

Ярнара замерла на пороге, потом склонила голову и поздоровалась с мужем, как требовали приличия Дома:

— Доброе утро, Ваша Светлость.

Рэйгон лишь едва заметно кивнул в знак того, что можно садиться.

К ней сразу же подошел слуга с серебряным подносом, на котором стояла миска сладкой каши, теплый хлеб, ломтики спелых фруктов и среди них — аккуратно разложенный слабосоленый лосось.

Сердце Ярнары робко дрогнуло при виде рыбы. До Хеллвейна она никогда не пробовала подобного, а здесь уже успела понять, насколько это бывает вкусно.

Она тихо поблагодарила слугу и аккуратно переложила лосось на тарелку. Набралась достаточно смелости, чтобы бросить быстрый взгляд на мужа… Рэйгон как раз смотрел на нее. Ярнара покраснела и опустила голову к столу.

— Завтра мы посетим Дом Ксатан, — неожиданно сказал Рэйгон. В почти пустом помещении его командный голос эхом отскакивал от стен и высоких потолков.

Вилка застыла над тарелкой.

— Дом Ксатан? — переспросила Ярнара.

— Леди Кэла Ксатан прислала приглашение. Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Пальцы Ярнары нерешительно прошлись по краю салфетки, к щекам подступила еще одна волна жара.

— Зачем?

— Потому что ты моя жена.

Рэйгон просто констатировал очевидное, но внутри что-то болезненно сжалось. Ярнара не понимала, почему ее сердце от этих слов пропускало удар и начинало биться сильнее.

Тем временем он чуть откинулся на своем стуле, изучающе глядя на сгорбившийся над столом силуэт, и отпил кофе.

— Скажи, ты понимаешь, почему Дом Ксатан важен?

Ярнара замялась. В памяти всплыли тихие беседы с Айлиз в саду, когда та терпеливо объясняла ей основы политики. Раньше она никогда этим не интересовалась.

— Они… Один из Высших Домов, — неуверенно начала Ярнара. — Контролируют северный сектор. У них сильный флот. И, кажется, они… Хорошие инженеры.

По лицу Рэйгона мелькнуло удивление с легкой тенью одобрения.

— Кэлу уважают не зря. Она не даст клятву, пока не убедится, что земля под ногами не дрогнет.

— Она близка к императору?

— Нет, она не близка ни к кому.

Ярнара чуть позже осмелилась задать вопрос, мучивший ее с того самого ужина:

— Что… Мне нужно будет делать?

Рэйгон поставил чашку на блюдце и прищурился:

— Кэла терпеть не может притворство и лесть. Видит их насквозь, поэтому будь честна. По сути — не делай ничего другого, кроме того, что уже сделала.

Губы Ярнары дрогнули, она прекрасно знала, что он имел в виду под этой фразой.

— Ваша Светлость, я… Насчет посла, я не хотела…

Он поднял ладонь и остановил Ярнару на полуслове:

— Под моей защитой находятся десять миллиардов людей. Они слушают каждое слово, которое я говорю, внимают каждому жесту. Даже молчание для них — на вес золота. У меня нет такой роскоши, как “добрые намерения”. Только результат. Но я понимаю твой порыв.

Ярнара слушала его, ковыряясь вилкой в тарелке. Не хотелось есть даже рыбу… Потому что она вновь в красках вспомнила тот вечер, а теперь смущенно сидела перед Рэйгоном, как провинившаяся маленькая девочка.

— Ошибка была и с моей стороны, — Рэйгон вдруг смягчился и громко вздохнул, зачесывая назад свои волосы. Ярнара невольно засмотрелась на этот жест из-под полуопущенных век и прикусила губу. — Я не предупредил тебя о тактике Марисона. Поэтому мы говорим здесь и сейчас перед тем, как нанести визит к Ксатанам. Я не повторяю ошибок.

Рэйгон подождал, пока Ярнара открыто посмотрит на него, и только потом продолжил:

— И ожидаю от тебя того же.

Жгучий стыд в груди сменялся непреодолимым желанием доказать ему, что такого больше не повторится, поэтому Ярнара уверенно сказала:

— Не буду, Ваша Светлость.

И вновь она увидела маленький намек на искреннюю улыбку — вечно опущенный уголок губ дрогнул вверх. Этого было достаточно, чтобы у нее перехватило дыхание и затрепетало под ребрами.

— Хорошо. Надень что-нибудь, чтобы Кэла увидела *тебя*, а не титул. Никаких драгоценностей, — Рэйгон поднялся со стула, прошел вдоль стола и на миг задержался за ее спиной. Когда Ярнара рефлекторно обернулась вполоборота, муж вдруг наклонился над ее плечом и прошептал на ухо: — Но снисходительной она не будет

Ярнара тут же выпрямилась и сжала пальцами салфетку, пытаясь унять сердцебиение и не дать голосу дрогнуть:

— Мне этого и не нужно.

***

Полет к Ксатану был долгим и тихим.

Ярнара сидела, сложив руки на коленях, в простом платье цвета мокрого сланца и без украшений, как просил Рэйгон. Только небольшой знак Дома Хеллвейн серебрился на ее плече.

Напротив Рэйгон почти все время молчал: читал документы, коротко отдавал распоряжения стюарду, который приносил запечатанные свитки-данные. Иногда кивал, иногда отвечал вполголоса и так тихо, что она не могла разобрать ни слова.

В руках у Ярнары тоже был свиток от матери, пришедший утром, но прочитать до вылета она не успела. Письма из дома вызывали странную смесь чувств, заставляли улыбаться и одновременно оставляли после себя легкую тоску. Одного только взгляда на почерк матери было достаточно, чтобы в груди все болезненно сжалось.

“За Мойраной ухаживает наследник Хасанов”, — писала мать.

Ярнара невольно улыбнулась — это была именно та партия, о которой сестра всегда мечтала. Она продолжила читать:

“Я пожаловалась миссис Энне, что ее коза опять пролезла через нижнюю калитку в наш сад. Она, как обычно, притворяется, будто коза не ее, хотя у нее на шее все еще болтается та самая желтая ленточка, которую я сама привязывала прошлой осенью. Половину трав у сарая уже объела! Написала управляющему, но сомневаюсь, что он шевельнется. Как всегда, все придется делать самой…”.

Ярнара тихо рассмеялась и покачала головой. Конечно, только ее мать смогла написать письмо, где половину страницы занимали жалобы на соседскую козу. Пока читала, она почти слышала мамин голос. Вот он — привычный ритм “малой знати”.

Все еще улыбаясь, Ярнара посмотрела в иллюминатор.

Корабль выполнял варп-прыжок. Звезды за стеклом вытянулись в длинные нити и размытые полосы света. Раньше от этого у нее кружилась голова, а теперь Ярнара спокойно смотрела в космос. Никакой тошноты или потери сознания. Из памяти постепенно стирались те мерзкие ощущения и страх перед каждым новым варп-прыжком.

Ярнара по-прежнему остро скучала по дому, родителям, брату и сестре. По двору, где любила читать. По запаху спелых фруктов и саду, где они гуляли с Искрецом. Но сейчас, сидя в корабле Дома Хеллвейн, с их ястребом на плече, по пути к леди из Высшего Дома для какого-то разговора… Она ощущала еще кое-что.

Не ужас и не восторг — что-то между этим. Ярнара пока не была готова желать общения со знатью или участия в политических делах, но и не пыталась спрятаться.

И само по себе это уже значило довольно много.

Глава 16

Имение Ксатан оказалось не ледяным, как у Хеллвейнов, но ничуть не менее неприступным: высокие башни из бледного камня прятались в густых старых лесах и тянулись к солнцу. Красота здесь была строгой и древней, но оттого не менее завораживающей. Ярнара с восторгом разглядывала виды, открывающиеся из окошка, пока шаттл не приземлился.

На широкой посадочной площадке их уже ждала хозяйка этого места — леди Кэла Ксатан. Она стояла в конце каменной дорожки, высокая и величественная, едва ли не повторяющая строгий силуэт башен. Ее темные волосы были убраны в тугую высокую прическу, не допускающую ни одной растрепанной или случайно выбившейся пряди. Острые черты лица, узкий подбородок и тонкий нос — Ярнара видела в этом некоторую схожесть с Хеллвейнами.

Рэйгон остановился перед ней и формально поклонился, оставив на руке в черной перчатке вежливый поцелуй:

— Леди Кэла.

Ее быстрый оценивающий взгляд скользнул по Рэйгону и замер, когда она заметила рядом с ним испуганную юную девушку:

— Неужели ты наконец привез ее?

— Моя жена, герцогиня Ярнара Хеллвейн, — представил ее Рэйгон и вскинул руку, подзывая Ярнару выйти вперед для знакомства.

Тонкая бровь Кэлы изогнулась, ее взгляд прошелся по Ярнаре сверху-вниз — скорее любопытный, чем приветливый. В этом она тоже напоминала Хеллвейнов.

Ярнара вспомнила о нормах приличия и, прикусив губу из-за смущения, сделала глубокий реверанс:

— Для меня большая честь быть здесь, миледи.

Кэла не ответила на поклон. Вместо этого она медленно обошла Ярнару вокруг, словно осматривала редкий, сомнительный экспонат. Ее трость стучала по каменной дорожке с каждым новым шагом, заставляя Ярнару вздрагивать снова и снова.

— Такая молодая… — протянула Кэла с презрением, остановившись перед лицом Ярнары. — Правду говорили, что она еще совсем дитя.

— Я… Не так уж молода, миледи, — Ярнара вспыхнула и опустила голову, не в силах терпеть этот испытующий взгляд карих глаз.

На губах Кэлы мелькнула насмешливая тень.

— Тебя делает девочкой твое невинное личико, возраст тут ни при чем, — затем Кэла будто потеряла к ней интерес и кивнула на Рэйгона. — Твой Железный Герцог хорошо с тобой обращается?

— Да, миледи. Его Светлость… Очень добр ко мне.

Кэла коротко рассмеялась.

— Добрый? *Он*? Ты настолько наивна? Или ослеплена влюбленностью? — Кэла повернулась к Рэйгону, рассматривая его невозмутимое лицо и будто пытаясь найти на нем ответы на собственные вопросы.

Ярнара бросила тревожный взгляд на мужа, но тот лишь едва заметно кивнул: *продолжай*.

Кэла постучала тростью по камню, как будто закрыла тему разговора:

— Ладно. Развлеки моего сына, девочка. Он сидит в мастерской, возится со своими схемами, железяками и проводами. Может, хоть твое молочное личико сможет его отвлечь.

Она даже не дала Ярнаре возможности ответить, кивая стоящей неподалеку слуге:

— Проводите ее. А мы пока поговорим с герцогом.

Ярнара открыла рот, чтобы отказаться от столь внезапного предложения, но Рэйгон вновь слегка наклонил голову: *иди*.

И она не смела ослушаться. Вслед за слугами пошла в чужой дом, навстречу незнакомому человеку, которого никогда не видела, отчаянно желая одного: хоть бы не совершить ошибку снова.

***

Комната, куда ее провели, была странной — не похожей ни на гостиную, ни на кабинет в привычном понимании. Вдоль стен тянулись ряды полок, забитые книгами, свитками, деталями и непонятными механизмами. Где-то в стеклянном ящике жужжала маленькая летающая машина, монотонно нарушая царящую здесь тишину.

У окна сидел молодой человек с длинными темными волосами и худыми плечами. Он склонился над низким столом, что-то осторожно подталкивая металлическим пинцетом.

Ярнара еще некоторое время разглядывала его, а потом прокашлялась и тихо произнесла:

— Лорд Лиран?

Он едва заметно вздрогнул и повернул голову в сторону прозвучавшего голоса, светлые глаза удивленно скользнули по ее лицу в поисках намека на то, что они виделись раньше хотя бы раз.

— Кто вы? — сухо и без приветствий спросил Лиран, не выпуская пинцета из пальцев.

— Ярнара. Я… Жена герцога Рэйгона Хеллвейна.

— Понятно, — и Лиран вновь склонился над своим аппаратом, будто бы остался один в этой причудливой мастерской.

Ярнара растерянно огляделась по сторонам и подошла ближе:

— Леди Кэла сказала, что я могу… Составить вам компанию.

Лиран издал нечто похожее на “мм", не выражая ни согласия, ни отказа от ее присутствия. Его тонкие пальцы продолжали ловко играть в паутине проводов.

Это помещение было больше похоже на логово из чудаковатых мыслей, схем и идей, а не на комнату молодого господина. Ярнара никогда такого не видела.

— Это… Впечатляюще, — наконец тихо прошептала она, разглядывая необычные изобретения на полках.

Лиран замер над своим устройством, будто не ожидал услышать ничего подобного, и медленно поднял глаза, как зверек, проверяющий, ловушка перед ним или нет. Ярнара едва не улыбнулась от этой картины, но вовремя прикрыла губы ладонью.

— Большинство дам при дворе считают это скучным, — сказал Лиран и неловко пожал плечами. — Металл, коды… Им интереснее украшения и званые ужины. Поэтому я… Здесь. Один.

— Это совсем не скучно! Это… Удивительно. Я просто в этом не разбираюсь, но… Хотела бы разобраться.

Лиран моргнул пару раз, осмысливая сказанное, и воодушевленно хлопнул в ладоши, разворачивая модель так, чтобы Ярнара могла рассмотреть детали. И заговорил, с гордостью описывая то, над чем трудился:

— Это разведдрон: он бесшумный, может проникать в узкие места — шахты, тоннели, корабельные отсеки. Герцог… Ваш муж… Хочет рабочий прототип, чтобы люди не рисковали своими жизнями.

Ярнара с недоверием уставилась на “разведдрон” — ее совсем не порадовало услышанное. Заметив ее напряженный взгляд, Лиран добавил:

— Его можно вооружить микрозарядами, подрывными устройствами, коробками снабжения — да чем угодно! Но… Это все зависит от используемого ядра. Герцог просил минимум три варианта.

Ярнара слушала его внимательно, стараясь не выдать, что не понимала почти половину из сказанного.

Лиран вскочил на ноги и указал на дрон:

— А если бы он был ваш, для чего бы вы его использовали?

Ярнара задумалась и еще раз осмотрела устройство. Ее мысли кардинально отличались от того, что перечислял Лиран.

— На моей родине… Семья выращивает пшеницу, овощи и фрукты, — она смущенно улыбнулась. — Я бы отправила такую штуку искать вредителей. Проверять, не гниет ли урожай или саженец. Поливать деревья в засуху…

Лиран застыл на несколько секунд, затем повернул дрон в руках так, будто впервые увидел собственное творение, но уже с другой стороны.

— Полив… Проверка корней… Уборка сухостоя… Но без вреда живому… — бормотал он себе под нос. Потом резко взглянул на Ярнару сияющими глазами: — Так мне никто никогда не говорил! Никто! Это же… Гениально! Мать должна это услышать!

— Может… Позже?..

Но Лиран не слушал возражений — он уже схватил ее за руку, крепко смыкая теплые и испачканные в масле пальцы вокруг запястья. Ярнара ахнула от неожиданности: чужой мужчина прикасался к ней… Так?!

— Лорд Лиран! Подождите… Нельзя…

— Можно! — радостно выкрикнул он и, игнорируя слабые сопротивления, потащил Ярнару к двери. — Она должна услышать это!

Они едва не сбили слугу с ног. Ярнара еле поспевала за ним, путаясь ногами в подоле собственного платья. Вскоре Лиран с грохотом распахнул дверь, даже не постучав перед этим.

Кэла с легким недовольным прищуром и Рэйгон, напряженно наклонившийся вперед в середине фразы, обернулись на громкий звук. Лиран замер посреди комнаты, все еще держа Ярнару за руку.

Кэла оглядела их с головы до ног и ледяным тоном обратилась к сыну:

— Лиран, немедленно отпусти герцогиню.

Юноша дернулся, видимо, слишком поздно осознав, что ворвался сюда, все еще держа ее за запястье. Ярнара инстинктивно сжалась и посмотрела на Рэйгона, который спокойно сидел в кресле. Лишь его изучающий взгляд скользнул по их рукам.

Лиран выдохнул и повернулся к матери, разжимая пальцы на запястье Ярнары:

— Мама! Ты должна услышать. Ярнара… Она… Она увидела в дроне совсем другое! Не войну. А урожай, полив, помощь людям! Никто мне так никогда не говорил!

— Ты притащил чужую герцогиню в мою залу, как тряпичную куклу, чтобы объявить, что будешь… Пахать поле? — Ярнаре стало жутко от голоса, которым говорила Кэла.

— Лучше, чем взрывать бункеры… — нахмурился Лиран.

— Ты забываешься, у нас есть определенные протоколы.

— Лорд Лиран, — подал голос Рэйгон, на что юноша сразу выпрямился и приготовился слушать. — Закончите прототипы, о которых мы с вами договорились.

— Конечно, герцог. И… Потом я покажу модуль для сада…

— Можете писать герцогине, — перебил его Рэйгон. — Но только по делу.

Кэла резко повернулась к нему:

— Нет! Он не будет присылать ей письма. Это…

— Будет, если речь о проекте. И он приедет на День Основания с прототипом.

Лиран расплылся в довольной улыбке, а Кэла моментально вспыхнула от гнева:

— Не думай, герцог, что я не вижу, в какие игры ты играешь! Хочешь вытащить моего сына на Хеллвейн, чтобы все увидели: наследник Ксатана стоит за вами… Чтобы император увидел! Я не позволю. Он никуда не поедет!

— Хочу! — сказал Лиран, упрямо поднимая подбородок. — Я поеду! Ярнара увидела в моих машинах то, что ты не…

— Хватит! — Кэла ударила тростью о пол так сильно, что дрогнули стекла. — Вон из моего дома! Убирайтесь со своими играми и этой… Куклой!

Ярнара отшатнулась, как от удара, но в тот же миг Рэйгон встал со своего места, подошел к ней и уверенно взял за руку. Не сказав Кэле ни слова, они отправились прочь из этого странного дома.

За их спинами раздался громкий голос Лирана:

— Я приеду, Ярнара! Обещаю!

Они быстро шли по двору, Рэйгон не отпускал ее руки, а Ярнара едва могла разглядеть дорогу под ногами — глаза наполнялись непрошенными слезами.

"Я все испортила. Опять. Он просил лишь одного... И я оступилась! Леди Кэла ненавидит меня. Я все разрушила...".

Ярнара чуть не упала, когда они подошли к трапу шаттла — в ее сторону сразу же ринулся один из солдатов, но Рэйгон остановил его одним лишь взглядом. Он помог Ярнаре устоять на ногах и придержал за локоть. Слезы катились по ее щекам и капали на ткань платья под подбородком. Стоило дверям шаттла со знакомым шипением закрыться за ними, как Рэйгон обернулся и приподнял ее красное и влажное лицо за подбородок:

— Не плачь. Все хорошо.

Но Ярнара уже не могла остановиться, всхлипывая снова и снова:

— Я… Я все испортила… Я не хотела… Я только честно сказала… И…

— Ты сделала именно то, что было нужно.

Ярнара сморгнула слезинку и встретилась с подбадривающим и… Довольным взглядом мужа. Рэйгон не злился на нее!

— Если бы ты знала цель нашего визита, — сказал он тихо, вытирая большим пальцем мокрую дорожку от слез с румяной щеки. — Ты бы старалась угодить ей. И она бы это почувствовала. А так… Ты была собой, как я и просил.

Рэйгон отпустил ее лицо и положил ладонь на подрагивающее от редких всхлипов плечо. Ярнара почти не дышала, пока он касался ее… Так нежно.

— Мне была интересна не леди Кэла, ты этого не поняла?

— Н-нет… — прошептала Ярнара.

— Мы были там из-за ее сына.

Сын. Наследник Ксатана— неуправляемый и сложный гений. Если он решит действовать сам, Кэла не сможет его остановить.

И Ярнара помогла Рэйгону добиться этого своей непосредственностью и прямолинейностью.

— Ты… Использовал меня? — спросила она удивленно.

— Я использовал то, что доступно только тебе, — Рэйгон чуть сжал пальцы на ее плече. — Ты справилась, герцогиня.

Она впервые не просто пережила политическую встречу.

Она выиграла ее.

И мысль эта была… Пугающе сладкой.

Глава 17

Закрытый зал приемов в Хеллвейне утопал в мягком свете. Темные каменные стены, обычно суровые и привыкшие к знаменам и гербам, сегодня были украшены цветами и тонкими лентами — непривычное, почти чужеродное убранство для этой крепости. В углу негромко играл ансамбль, спокойная мелодия струилась по залу.

Айлиз Хеллвейн-Рэлл сияла в этот вечер — ей исполнилось восемнадцать. Вокруг нее вились родственники и близкие: леди Юстина, несколько двоюродных братьев и сестер, молодые наследники верных Домов.

А чуть в стороне стояла Ярнара. Половину утра она провела в раздумьях, что надеть: одно платье казалось слишком парадным, другое — скучным, третье — чересчур смелым. В конце концов, она выбрала то, в чем ощущала себя не принцессой и не служанкой, а просто собой: спокойное, сдержанное и без лишнего блеска.

Айлиз сама позвала ее на свое восемнадцатилетие — и это отзывалось в груди теплым трепетом.

“Ты обязана прийти, — сказала она вчера, сияя. — Пожалуйста! Я хочу, чтобы ты была там”.

И вот она здесь. Герцогиня Ярнара Хеллвейн среди знати, которая вежливо кивала ей при встрече и тут же отводила взгляд, словно стирая ее фигуру из поля зрения. Заговорить с ней первой почти никто не решался — разве что когда рядом гордо стояла Айлиз, крепко держась за ее локоть в подбадривающем жесте.

Айлиз и правда почти не отходила. Она умела мягко разрядить неловкую паузу шуткой, вовлечь Ярнару в разговор, когда вокруг начинало сгущаться отчуждение аристократических кругов. Они сидели вдвоем у длинного стола, заставленного фруктовыми корзинками, сладостями и бокалами с вином.

— Дядя все равно не придет, — лениво протянула Айлиз, откинувшись на спинку стула и разглядывая снующих по помещению нарядных людей. — Он никогда не приходит на мои дни рождения. Говорит, это недостаточно важно.

Ярнара слабо улыбнулась, хотя в сердце остро и неприятно кольнуло. Она и сама не понимала, зачем все еще ждала его появления. Но где-то в глубине ее души жила упрямая, глупая надежда: а вдруг…

— А Элендра? — осторожно спросила Ярнара. — Я ее сегодня не видела.

С губ Айлиз сорвался короткий смешок:

— Сидит в своей комнате. Все еще “страдает из-за разбитого сердца”, видишь ли. Дядя разорвал ее помолвку с Сорином Розалем, ты ведь помнишь.

— Я не знала, что она до сих пор так тяжело это переживает…

— Да не по нему она рыдает, — закатила глаза Айлиз. — Она рыдает по жизни не здесь. По той, что уже почти наступила. Ей проще разыгрывать любовную трагедию, чем признаться, что ей просто невыносимо больше жить на Хеллвейне.

— Все равно мне ее жаль, — выдохнула Ярнара, крепче обхватив ножку бокала пальцами.

— Это политика, Ярнара. Дом Хеллвейн не может позволить себе допустить ошибку. Элендра переживет, найдет себе другого жениха… Надеюсь.

Здесь браки заключались не ради чувств, а ради расчета, нужных фамилий, выгодных союзов и маршрутов флотов. А Ярнаре порой так хотелось, чтобы ее собственная судьба, ее дети, ее любовь не превращались в очередную строку чужого плана.

— Хочешь, расскажу кое-что интересное? — вдруг оживилась Айлиз, глаза ее привычно вспыхнули, стоило ей отвлечься с темы на тему. — Я была на рынке пару дней назад. В нижнем квартале.

— На рынке? — Ярнара удивленно вскинула брови.

— Угу. Там, у фонтана, стоит лавка. Мужчина продает расписные дощечки с ликами святых, знаменами Домов и портретами правителей. Лицо моего дяди висит там уже лет десять, наверное, — уголки губ Айлиз тронула ехидная усмешка. — Угадай, чье теперь рисуют там же?

— Чье? — тихо спросила Ярнара, уже предчувствуя ответ.

Айлиз легонько ткнула ее локтем в плечо.

— Твое.

Ярнара тихо рассмеялась больше от неожиданности, чем от радости за такую… "Новость". А потом качнула головой:

— Этого не может быть.

— Еще как может! Я простояла там минут десять и все видела. На деревянной дощечке было изображено твое лицо с этим твоим наклоном головы, когда ты смущаешься. А рядом герцог, старые генералы Хеллвейна, — Айлиз повернулась к ней и понизила голос: — И знаешь что? За эти десять минут он продал три твоих портрета! Ни одного дядиного.

— Но… почему? — у Ярнары пересохло во рту.

Айлиз прищурилась, глядя на нее так же пристально, как Ярнара обычно рассматривала страницы старых книг.

— Потому что слухи уже разошлись по всему городу. Говорят, именно ты заставила Железного Герцога прислушаться. Настояла, чтобы он заплатил больше за зерно Веларинов, не дала половине Хеллвейна и его вассалам голодать будущей зимой. Теперь тебя называют милосердной герцогиней.

Губы Ярнары приоткрылись, она неловко забормотала:

— Но я же… Я просто… Ты знаешь, как все было…

Айлиз улыбнулась еще шире.

— Не важно, как было. Важно, что люди думают сейчас. Двору до смерти ненавистно, что ты посмела вмешаться. А простые люди считают, что ты их спасла. Им больше не хочется видеть на стене очередного святого или седого полководца. Им хочется видеть красивую молоденькую бунтарку.

Лицо Ярнары вспыхнуло жаром, она опустила взгляд и провела пальцем по тонкому краю бокала.

Спасла их.

Она никого не спасала сознательно, просто не смогла промолчать…

В этот миг высокие двери зала распахнулись — внутрь вошел герцог Рэйгон Хеллвейн. На его появление зал отреагировал, как единый живой организм: голоса семьи и гостей стали тише, движения — скромнее, взгляды — сосредоточеннее.

Рэйгон был одет просто по его собственным меркам: темный парадный костюм с тонкой серебряной вышивкой по манжетам и знаком Хеллвейна на плече. Волосы чуть растрепались, будто он торопился и не успел взглянуть в зеркало.

Ярнара почувствовала, как сердце сорвалось с привычного ритма и забилось неровно, сильно. Айлиз увидела его и засияла, сразу же вставая со своего места:

— Дядя!

Рэйгон наклонился и коснулся губами ее виска:

— С днем рождения, Айлиз. В этом году я не мог не прийти.

Она счастливо и звонко засмеялась и тут же увлекла его в круг гостей. Но Рэйгон, обменявшись с ними парой фраз, быстро потерял интерес к светским беседам, повернул голову и нашел взглядом притихшую Ярнару в углу.

Все внутри нее сжалось. Сотни мыслей в голове — почему он здесь, зачем, что это значит — вспыхнули разом и погасли, так и не оформившись до конца.

Рэйгон неторопливо пересек зал и опустился на свободный стул рядом с ней, сложив руки на коленях. Ярнара нервно пригладила подол платья, словно это могло унять дрожь в пальцах, и шепнула:

— Ваша Светлость.

— Ярнара, — так же тихо ответил он на это приветствие.

В голосе Рэйгона прозвучало нечто непривычное — скрытое, едва уловимое тепло. Или ей почудилось? Они просидели так несколько гулких ударов сердца под ребрами, не произнося ни слова, затем Рэйгон первым нарушил затянувшееся молчание:

— Надеюсь, вечер проходит приятно.

— Да, — поспешно кивнула Ярнара. — Айлиз очень внимательна.

Снова пауза. Мелодии мягко сменялись друг за другом, вино в бокалах золотилось в теплом свете ламп.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал Рэйгон вдруг, даже не взглянув лишнего раза на Ярнару. Просто отметил факт, как будто поставил “галочку” в отчете. — Синий тебе к лицу.

Ярнара едва не уронила бокал и повернулась к мужу, часто моргая и ощущая, как жар стремительно поднимался от шеи к самым корням волос.

— С… Спасибо, Ваша Светлость.

В этот миг голос церемониймейстера разнесся по залу:

— Объявляется первый танец!

Мелодия стала торжественнее и медленнее, пары одна за другой потянулись в центр зала. Прежде чем Ярнара успела придумать хоть какую-то отговорку, почему она не может встать и подарить мужу танец, Рэйгон поднялся и приглашающе протянул ей руку:

— Потанцуй со мной.

Ярнара сглотнула и вложила в его ладонь свою, чуть дрожащую.

— Конечно, Ваша Светлость.

Рэйгон вывел ее в центр — и зал притих, провожая взглядами Железного Герцога и его юную жену. Он положил руку на ее талию, сохраняя корректное расстояние между их телами.

Танцам Ярнара обучалась с детства: учителя твердили, что это такая же неотъемлемая часть воспитания, как умение читать и писать. Но танцевать с Рэйгоном оказалось совсем не то же самое.

В нем чувствовалась сдерживаемая сила, движения были хорошо отточенными и уверенными. И все же, к собственному удивлению, Ярнара не сбивалась с ритма. Шаг в шаг, поворот в поворот — все совпадало без малейших промашек.

Кто-нибудь мог бы ядовито заметить: для девчонки с окраины империи танцуешь ты слишком хорошо. Но здесь, в сердце зала, под внимательным наблюдением гостей и Дома, ей было все равно. Ярнара позволяла музыке и Рэйгону вести себя и наслаждаться.

Рэйгон, как опытный партнер, подхватил ее ритм — и на краткий миг в его глазах мелькнуло легкое удивление. Держа Ярнару за ладонь, он чуть сократил расстояние между ними. Так вести танец стало еще легче.

Зал размывался на фоне вместе с огнями, чужими лицами и праздничными украшениями. Осталась лишь музыка, шаги и ощущение теплой руки на талии.

Один раз Ярнара даже осмелилась поднять взгляд и тут же встретилась с глазами Рэйгона, которые беззастенчиво ее разглядывали. Под привычной холодной поверхностью мелькнуло нечто иное: вопрос, интерес и тень улыбки, которую он тут же привычно спрятал.

Финальные такты нарастали, последний воздушный поворот заставил их шагнуть чуть ближе навстречу друг другу, чем требовали приличия. Ярнара едва слышно вдохнула воздух. Рэйгон задержал взгляд на ее лице дольше, чем следовало, а потом музыка затихла.

По залу прокатились торжествующие аплодисменты.

Рэйгон разжал ладонь, но их пальцы разомкнулись не сразу — задержались еще на долю секунды, словно они оба хотели продлить этот ошеломляющий момент.

Музыка сменилась на более легкую, с ней ожил и фон: повсюду раздавались веселые голоса, смех и звон бокалов.

— Пойдем, — Рэйгон наклонился к ее уху и прошептал так, чтобы никто больше не слышал: — Пройдемся.

Сердце снова сделало кульбит, как будто Ярнара только этого и ждала.

— Да… Конечно, Ваша Светлость.

Они бесшумно вышли через боковую дверь в прохладный коридор. Из-за стены доносился приглушенный гул праздника, но это был уже другой мир — чужой и опасный. И он оставался позади.

Ярнара украдкой взглянула на Рэйгона и тут же опустила глаза в пол, сцепив пальцы перед собой. Что между ними вдруг изменилось? Что вообще говорят мужу, который только что…

Не успела она додумать, как Рэйгон прервал ее мысли своим голосом:

— Ты сегодня необычайно молчалива.

— Прости… Я… Не знаю, что…

— Я не сказал, что это плохо.

Они дошли до узкого балкона, за парапетом которого начинался отвесный черный обрыв, а под ним простиралось беспокойное море, сливающееся с ночным небом в одну бесконечную темную черту. Рэйгон оперся ладонью о холодный камень и долго смотрел вдаль.

— Здесь все иначе, — произнес он негромко. Не было нужды повышать голос, потому что музыка и чужие голоса остались в бальной зале. Тут они могли наконец отдохнуть и перевести дух. — Чем на Хольмгарде, да?

Ярнара удивленно нахмурилась, не совсем понимая, к чему именно клонил Рэйгон.

— Я имею в виду… Для тебя.

— Да, — она улыбнулась с тихой грустью — не было смысла отрицать очевидное. — Хольмгард всегда теплый и зеленый. Я каждое утро просыпалась от пения птиц или от того, как солнце слепило глаза. Там… Чувствуешь, будто лес — это часть дома.

Она неловко замолчала, глядя на холодные и опасные волны внизу.

— Здесь… Все по-другому.

Рэйгон повернулся к ней всем корпусом и придвинулся чуть ближе. Ветер подбрасывал короткие пряди, устраивая еще больший беспорядок на его голове, но он не обращал внимания. Смотрел на Ярнару так, будто хотел в чем-то признаться, но не мог найти подходящий момент.

— Здесь у тебя нет друзей.

— У меня есть Айлиз, — мягко возразила Ярнара и обхватила локти ладонями. — Она лучшая подруга из всех, что у меня были.

У Рэйгона дернулся уголок челюсти, будто он отметил про себя что-то важное.

— Дело не только в дворе, — продолжил он после короткой паузы. — Дело и во мне.

— Что?..

Рэйгон на мгновение отвел взгляд — редкий для него жест! — и со вздохом вновь встретился с ее удивленно распахнутыми глазами.

— Я был… Холоден, — признание давалось тяжело, но он все же произнес его. — Я не привык к женщинам вроде тебя, Ярнара.

Сердце скакнуло куда-то в горло, Ярнара тут же покраснела и вздрогнула то ли от переживаний, то ли от царящего на балконе холода:

— Я… Понимаю, ты…

— Нет, — спокойно перебил он, сжимая ладонью каменный парапет. — Ты не понимаешь. И это, пожалуй, к лучшему. Те, кто пытались сблизиться со мной, всегда чего-то хотели:

власти, положения или влияния. Они надевали маску, которую, как им казалось, я желаю видеть.

Рэйгон взглянул на море, но его слова предназначались не шумящим волнам:

— Ты не притворяешься. Это… Не принято в моем мире.

По балкону прошелся неожиданно сильный порыв ветра, пахнущий солью. Ярнара в очередной раз поежилась — тонкая ткань ее платья не спасала от этого ледяного вечернего холода. Рэйгон заметил и сразу же снял парадный мундир, набросив ей на плечи. Тяжелая ткань тут же окутала теплом и едва уловимым запахом мужа.

— Благодарю, — Ярнара вцепилась пальцами в лацканы так сильно, словно мундир мог помочь ей не трястись и не смущаться от близости Рэйгона. — А ты… Не замерзнешь?

— Я вырос на этих скалах. Для меня это еще не холод.

Ярнара прижала полы мундира к груди и вдруг остро ощутила, как тихо стало вокруг, как близко находился Рэйгон и как воздух вокруг сделался густым, почти осязаемым. Шум моря отошел на задний план.

Взгляд Рэйгона скользнул от темного горизонта к ней — на этот раз никто из них не прятался — и задержался на линии губ, поднялся выше, словно искал в глубине ее глаз ответ на вопрос, который не был произнесен вслух.

Рэйгон сделал полшага ближе. Теперь тепло его тела ощущалось даже сквозь тяжелую ткань мундира, которым Ярнара была укрыта. Он неспешно поднял руку, давая ей время подумать и отстраниться, и кончиками пальцев мягко отодвинул прядь волос с румяной щеки. Движение было таким осторожным, будто Рэйгон боялся нарушить хрупкое равновесие между ними.

Потом он осторожно склонился к ее лицу, словно проверял, останется ли Ярнара на месте и хватит ли им этого расстояния, чтобы решиться на следующий шаг. Их лбы почти соприкоснулись, теплое, чуть прерывистое дыхание перемешалось. Ладонь Рэйгона замерла у ее щеки, едва касаясь кожи.

Он не спрашивал разрешения.

Он просто ждал.

Ярнара приподняла подбородок навстречу — этого оказалось достаточно, чтобы их губы впервые мягко встретились друг с другом. Это было не похоже на внезапную вспышку страсти или поцелуй, обещающий полное завоевание ее сердца и тела.

В их движениях читалось тихое признание, которое не требовало произнесения вслух никаких бессмысленных клятв.

Поцелуй длился недолго.

Ярнара, ощутив прилив холода, открыла растерянные глаза. Рэйгон отпустил ее губы и выпрямился, возвращая между ними привычную дистанцию.

— Уже поздно, — произнес он ровным голосом, только чуть ниже обычного. — Я провожу тебя до покоев.

Их шаги звучали в унисон в пустых коридорах. Ярнара держала руки под тяжелыми складками мундира, ее сердце больше не колотилось в панике, оно просто… Билось мирно и размеренно, как будто внутри наконец-то что-то встало на свое место.

Один раз она украдкой взглянула на профиль Рэйгона, который оставался все таким же собранным и строгим. Но линия рта стала мягче, как будто кто-то стер с него давнюю тень усталости.

Они остановились у дверей ее комнаты. Рэйгон не потянулся за объятиями или новым поцелуем, лишь окинул Ярнару спокойным взглядом — признающим не только долг и ответственность, но и ее собственный выбор.

— Спокойной ночи, Ярнара, — тихо сказал он.

— Спокойной ночи, Ваша Светлость…

Титул сорвался по привычке, но в нем не было прежней холодной отстраненности. Только глубокое уважение и что-то новое, что она не решалась назвать ни в своих мыслях, ни вслух.

Рэйгон коротко кивнул и развернулся на каблуках, его силуэт быстро растворялся в полумраке коридора. Ярнара стояла и смотрела ему вслед, пока высокая тень не скрылась за поворотом. Потом вошла в комнату, закрыла дверь и на мгновение прислонилась к ней спиной, прижимая пальцы к губам, которые помнили ощущение и вес чужих.

“Это начало… — подумала она”.

Но еще не любовь.

Глава 18

Осень на Хеллвейн не умела приходить мягко. Это Ярнара поняла, когда она спустилась с гор ледяными порывами ветра и окрасила небо в тусклые серые тона. На деревьях не было привычных пожелтевших и красных листьев, как в садах Хольмгарда. Осень здесь была бесцветной — один только камень и туман, никакого солнца.

Ярнара стояла у окна своих покоев и смотрела вниз на внутренние дворы крепости, где уже развесили знамена Дома и строгие украшения к предстоящему празднику — Дню Основан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.